

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 2

В ПЯТИ ТОМАХ

ЦИВИЛИЗАЦИИ АМЕРИКИ,
ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
И КОЛОНИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО,
ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА
И СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ
ПОЛИТЭКОНОМИИ,
ВЕЛИКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА
В НИДЕРЛАНДАХ, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ,
ГЕРМАНИИ, США, ЯПОНИИ

А Л Е Т Е Й Я

Экономическая история мира в 5 томах

Коллектив авторов

**Экономическая история мира. Том
2. Цивилизации Америки, Великие
географические открытия и
колониальное хозяйство, генезис
капитализма и становление
классической политической
экономики, великие буржуазные революции
и развитие капитализма**

«Алетейя»

2018

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02

Коллектив авторов

Экономическая история мира. Том 2. Цивилизации Америки, Великие географические открытия и колониальное хозяйство, генезис капитализма и становление классической политэкономии, великие буржуазные революции и развитие капитализма / Коллектив авторов — «Алетейя», 2018 — (Экономическая история мира в 5 томах)

ISBN 978-5-906980-83-0

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-906980-83-0

© Коллектив авторов, 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

1. Экономические предпосылки и последствия великих географических открытий	6
2. Первоначальное накопление и мануфактура в Западной Европе	12
3. Экономическая мысль Западной Европы в эпоху первоначального накопления	16
3.1.1. Монкретьен	16
3.1.2. Томас Манн и «Евангелие меркантилизма»	20
4. Рождение цивилизации в Месоамерике	25
4.1. Месоамерика и Древний Восток	25
4.2. Майя	26
4.3. Инки	29
4.4. Тольтеки и ацтеки	31
4.5. Социальный строй ацтеков	34
5. Колониальное хозяйство стран Латинской Америки	38
5.1. Репартимьендо и энкомьендо	38
5.2. Ввоз рабов из Африки	39
5.3. «Новые законы» и переход к феодальным формам	40
5.4. Особенности экономического развития Бразилии	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Экономическая история мира:
в 5 т. Т.2 Цивилизации Америки,
Великие географические открытия
и колониальное хозяйство, генезис
капитализма и становление классической
политэкономии, великие буржуазные
революции и развитие капитализма
Под общей редакцией заслуженного
деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук,
профессора М.В. Конотопова**

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-кор. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

3-е издание, дополненное и доработанное

Авторский коллектив:

А.В. Аникин, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (8, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26)

М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 14, 19, 22, 27, 28)

С. И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 14, 19, 22, 27, 28)

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф. (16)

1. Экономические предпосылки и последствия великих географических открытий

Толчком, который ускорил переход от феодализма к капитализму в Западной Европе, стали Великие географические открытия. В сущности, их можно рассматривать как границу между двумя формациями. К Великим открытиям принято относить открытие Америки и морского пути в Индию вокруг Африки на рубеже XV и XVI вв. Европейцы открыли для себя заокеанские земли. Поэтому не следует относить к Великим географическим открытиям, например, путешествия викингов в Америку или открытия русских землепроходцев в Сибири.

Долгое время народы Европы жили, мало интересуясь остальным миром, не совершая далеких путешествий за пределами своей ойкумены, но вдруг у них возникла тяга к открытию новых земель, и практически одновременно были открыты и Америка, и новый путь в Индию. Такое «вдруг» не могло быть случайным. Существовали три главные предпосылки открытий.

1. В XV в. турки, завоевав Византию и захватив в 1453 г. Константинополь, главный перевалочный пункт, перерезали торговый путь между Востоком и Западом, Великий шелковый путь. Произвол турецкой администрации, ее беспримерное вымогательство заставили венецианцев покинуть свои фактории на Ближнем Востоке. Поток восточных товаров в Европу резко сократился. Правда, оставался окольный путь через Красное море и Суэцкий перешеек, но уж слишком много посредников было на этом пути, и цена товаров возрастала настолько, что в Европе торговать этими товарами, даже предметами роскоши, становилось невыгодно. Надо было искать новый путь на Восток, такой путь, где можно было бы торговать без посредников.

2. Недостаток золота как денежного металла. И не только потому, что золото утекало на Восток. Все больше денег требовало экономическое развитие Европы. Главным направлением этого развития был рост товарности хозяйства, рост торговли. А без денег торговать нельзя.

Добыть золото надеялись в странах Востока, которые, как предполагалось, были очень богаты драгоценными металлами, особенно Индия. Марко Поло, который там побывал, рассказывал, что там даже крыши дворцов сделаны из золота.

Правда, это золото имело своих хозяев, но это не смущало: европейцы того времени были людьми отважными и не стесненными моралью. Для них было важно добраться до золота, а в том, что они смогут отобрать его у хозяев, они не сомневались. Да так и получалось: команды небольших кораблей, которые с нашей точки зрения были просто большими лодками, захватывали порой целые страны.

3. Развитие науки и техники, особенно судостроения и навигации. На прежних европейских судах нельзя было выходить в открытый океан: это были или боевые узкие и длинные гребные галеры (а на веслах океан не переплывешь), или неуклюжие парусные грузовые нефы, которые могли двигаться лишь при попутном ветре. Ориентировались моряки в основном по виду знакомых берегов, поэтому отрываться от берегов, уходить в открытый океан не решались.

Но в XV в. появилось судно новой конструкции – каравелла. Она имела киль и такое парусное оснащение, которое позволяло двигаться и при боковом ветре. К тому же, кроме компаса, теперь появилась и астролэбия – прибор для определения широты. Это позволяло ориентироваться и в открытом океане.

Значительные достижения к этому времени были сделаны и в географии. Средневековый человек жил в сказочном мире: все, что было за пределами своей узкой ойкумены, населялось сказочными существами – там были люди с собачьими головами и вообще без голов, кипящие моря... Теперь в географии был сделан настолько значительный шаг вперед, что возродилась

античная теория о шарообразности земли, и флорентийский географ Фосканелли уже утверждал, что до Индии можно добраться, двигаясь не только на восток, но и на запад. Правда, при этом не предполагалось, что на пути встретится еще один континент. Ведь, согласно Библии, существовали лишь три части света, которые были разделены между тремя сыновьями Ноя.

Итак, три главных обстоятельства, которые привели к Великим географическим открытиям: 1) кризис торговли с Востоком и необходимость найти новый путь; 2) недостаток золота как денежного металла и 3) научно-технические достижения, которые позволили кораблям оторваться от берегов.

Но почему открывателями новых земель стали Испания и Португалия, экономически отнюдь не самые развитые страны Европы? Потому что эти страны были расположены при выходе в Атлантический океан. Голландцам или венецианцам, чтобы выйти в океан, надо было проплыть мимо их берегов. А с другой стороны, Испания и Португалия находились дальше всех от прежних путей на Восток, поэтому индийские ткани и пряности приходили сюда через Средиземное море, через руки венецианских купцов, с большими наценками.

Торговые связи между севером и югом Европы долгое время шли в трансконтинентальном направлении – через альпийские перевалы и по Рейну.

Лишь в XV в. основная торговля между севером и югом стала проходить уже по морям, огибая западную оконечность Европы. Это и вызвало процветание Лиссабона, который находился на середине длинного морского пути. Сюда корабли шли по северному отрезку морской дороги из Англии и Нидерландов, по южному – из Венеции и Генуи. Это создавало благоприятные условия для морских экспедиций, и именно здесь появилась каравелла.

Испании пока было не до этого. До конца XV в. там продолжалась война с арабами, реконкиста, которая сопровождалась объединением страны. В 1492 г. пала Гранада, последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, и в этом же году была отправлена за океан экспедиция Колумба.

В ходе реконкисты здесь сложилось особое сословие идалго, служилых дворян, для которых война (и захват военной добычи) была единственным достойным уважения занятием. К тому же они сражались не против равных себе соседей, как это обычно было в европейских войнах, а против «неверных», за «святую католическую веру», поэтому их действия отличались крайней жестокостью. После завершения реконкисты они оказались не у дел: большинство идалго не имело земельных владений, не умело и не хотело заниматься хозяйством. Новому государству, объединенному королевству Кастилии и Арагона надо было избавиться от этой беспокойной вольницы. Заморские экспедиции давали такую возможность. Для завоевания новых земель, для подавления сопротивления туземного населения требовались именно такие – безжалостные и алчные военные кадры. Для них это было привычным делом. К тому же там, за океаном, можно было получить земельные владения с подневольными людьми, которых у них не было дома. Они-то и составили основной контингент конкистадоров.

Это в значительной степени определяло отличие португальских и испанских экспедиций. Португальцы не завоевывали Африку и Индию: у них не было для этого достаточных вооруженных сил. Они основывали преимущественно торговые базы, через которые вели обмен с опорой на местных властителей. Испанские конкистадоры завоевывали территорию, уничтожая население и убивая местных властителей.

Определенную роль сыграло и объединение Кастилии и Арагона в единое государство. Дело в том, что заокеанские экспедиции требовали столько средств и сопровождались таким риском, что были непосильны для частных лиц или мелких владельцев периода феодальной раздробленности. Поэтому экспедиции Великих географических открытий снаряжались за счет государств, и переход от феодальной раздробленности к национальным государствам стал еще одной предпосылкой этих открытий.

Основные открытия были сделаны в поисках путей в Индию, которую европейцы считали не только самой богатой страной Азии, но для большинства из них она олицетворяла Азию. Все искали путей в Индию, но в разных направлениях.

Первое направление – на юг и юго-восток, вокруг Африки. По этому направлению двинулись португальцы. В поисках золота и сокровищ португальские корабли с середины XV в. начали двигаться на юг вдоль берегов Африки. На картах Африки появились характерные названия: «Перечный берег», «Берег Слоновой кости», «Невольничий берег», «Золотой берег». Эти названия ясно показывают, что искали и находили в Африке португальцы. Этот путь стал монополией Португалии – ни одна держава не смела посылать свои корабли вдоль африканского побережья южнее Канарских островов. В 1498 г. португальская экспедиция из трех каравелл под командой Васко да Гама обогнула Африку и добралась до берегов Индии.

Поскольку, как уже сказано, путь вокруг Африки был монополией Португалии, испанцам пришлось двигаться в другом направлении – на запад, вокруг земного шара. В те же последние годы XV в. испанская флотилия Колумба, тоже из трех кораблей, пересекла Атлантический океан и в 1492 г. достигла берегов Америки, точнее, Багамских островов. Там испанцы познакомились с новыми для себя кукурузой, картофелем, табаком, но золота в новых владениях не нашли, и испанский король был недоволен Колумбом. Человек, открывший Новый свет, кончил свои дни в нищете.

Не только сам Колумб, но и другие европейцы считали, что он достиг Азии. Поэтому испанские владения в Америке были названы Вест-Индией, а коренное население Америки мы до сих пор называем индейцами.

По следам Колумба в Америку хлынул поток нищих, храбрых и крайне жестоких конкистадоров. Они все-таки надеялись найти там золото. Их влекла легенда об Эльдорадо, «позолоченном человеке», которую составили испанцы на основании рассказов индейцев. Этот Эльдорадо, согласно легенде, каждое утро пудрит свое тело золотым песком, а вечером смывает золото, погружаясь в воды озера. Дно этого озера выложено золотыми плитками и изумрудами. В основе легенды лежали действительные обряды некоторых племен при избрании нового вождя.

Конкистадоры нашли золото. Отряды Кортеса и Писарро захватили и разграбили государства ацтеков и инков, оборвав тем самым путь развития американской цивилизации.

Завоевания конкистадоров облегчались не только их преимуществами в военном деле, т. е. боевой выучкой, огнестрельным оружием и конями, неизвестными до того индейцам. Ацтеки и инки, достигнув уровня государственности, подчинили себе окружающие племена, и те помогали пришельцам, видя в них своих избавителей.

Конкистадоры заманили в плен верховного вождя инков Атагуальпу и обещали отпустить его за огромный выкуп – такое количество золота, которое заполнит комнату, служившую местом заключения Атагуальпы. Подданные Атагуальпы собрали необходимое количество золота. Однако, получив выкуп, испанцы приговорили Атагуальпу к сожжению, и только после того, как он согласился принять христианскую веру, оказали ему «милость» – вместо сожжения повесили. Не меньшие сокровища были захвачены и в государстве ацтеков. Полученный Кортесом «клад Монтесумы» оценивается историками в 10–12 млн золотых рублей.

Колумб до самой смерти не подозревал, что открыл новый континент. Этот континент был назван по имени скромного моряка Америго Веспуччи, который первым высказал мысль, что открытые земли – это новый континент. В условиях слабого научного общения его даже объявили открывателем Америки, на время забыв о Колумбе.

Чтобы избежать столкновений при захватах заокеанских земель, римский папа в 1494 г. разделил землю между самыми преданными католической церкви государствами, Испанией и Португалией, по меридиану, проходившему через Атлантический океан. Все, что находилось к востоку от этого меридиана, т. е. Африка и Азия, должно было принадлежать Португалии, а все

земли к западу, т. е. Америка – Испании. Правда, папа был не силен в географии, и восточная окраина Южной Америки тоже оказалась в сфере интересов Португалии.

Англия не признала этого раздела и, чтобы взять свое, попыталась найти третий путь в Индию – «северный проход», т. е. проход через Северный Ледовитый океан, с тем чтобы обогнуть Азию с севера. Конечно, в то время это была попытка с негодными средствами. Экспедиция Ченслера, отправленная в середине XVI в. на поиски этого прохода, потеряла из трех кораблей два, и вместо Индии Ченслер попал через Белое море в Москву. Впрочем, он не растерялся и выхлопотал у Ивана Грозного очень серьезные привилегии для торговли английских купцов в России.

Но почему Великие географические открытия ускорили переход к капитализму?

Первым следствием открытий стала «революция цен»: так как в Европу хлынул поток дешевого золота и серебра из заокеанских земель, то стоимость драгоценных металлов (а значит, стоимость денег) резко понизилась, а цены на товары соответственно возросли. Дело не только в том, что драгоценных металлов стало много, но и в том, что они были дешевыми – добывались с минимальными издержками. Доходило до того, что солдаты Писарро изготавливали даже подковы для своих лошадей из серебра. Да и потом, когда захваченные запасы золота и серебра были вывезены в Европу, месторождения этих металлов разрабатывались принудительным, практически бесплатным трудом индейцев.

Общее количество золота в Европе за XVI в. увеличилось более чем вдвое, серебра – в три с лишним раза, и цены на товары выросли в 2–3 раза.

В первую очередь революция цен коснулась тех стран, которые непосредственно грабили новые земли – Испании и Португалии. Казалось бы, открытия должны были вызвать в этих странах экономический подъем: ведь они так стремились к золоту. В действительности получилось наоборот. Цены в этих странах повысились в 4,5 раза, тогда как в Англии и Франции – в 2,5 раза. Испанские и португальские товары становились столь дорогими, что их уже не покупали, предпочитая более дешевые товары из других стран. Нужно учитывать, что при росте цен соответственно увеличивались и производственные затраты.

А это имело два следствия: золото из этих стран быстро уходило за границу, в страны, чьи товары покупались, а собственное ремесленное производство приходило в упадок, поскольку его продукция не находила спроса. Поток золота шел, минуя хозяйства этих стран, – из рук дворян оно быстро уплывало за границу. Поэтому уже в начале XVII в. драгоценных металлов в Испании не хватало, и за восковую свечу платили столько медных монет, что их вес втрое превышал вес свечи. Сложился парадокс: поток золота не обогатил Испанию и Португалию, а нанес удар по их хозяйству, потому что в этих странах еще господствовали феодальные отношения. Наоборот, революция цен усилила Англию и Нидерланды, страны с развитым товарным производством, чьи товары шли в Испанию и Португалию.

Внутри каждой из остальных стран происходили аналогичные изменения: выигрывали производители товаров, выигрывала нарождавшаяся буржуазия, проигрывали те, кто эти товары потреблял. Выиграли ремесленники и первые мануфактуристы, которые продавали свои товары по повышенным ценам. К тому же товаров теперь требовалось значительно больше: они шли в Испанию и Португалию, вытесняя местные товары, шли в заокеанские земли в обмен на колониальные товары. Теперь уже не было необходимости ограничивать производство, чтобы всем хватало работы, и цеховое ремесло стало быстро перерастать в капиталистическую мануфактуру.

Выиграли зажиточные крестьяне, те крестьяне, которые производили продукцию на продажу, т. е. переходили к товарному производству, а оброк платили подешевевшими деньгами. Короче говоря, выиграло товарное производство.

А проиграли феодалы: они получали с крестьян в виде ренты прежнюю сумму денег (ведь рента была фиксированной), но эти деньги теперь стоили в 2–3 раза дешевле. И феодалы стали разоряться. Революция цен стала экономическим ударом по сословию феодалов.

Вторым следствием Великих географических открытий был переворот в торговле.

Южный торговый путь через Венецию по Средиземному морю на Восток приходит в упадок: теперь восточные товары везут вокруг Африки, и венецианцы, обеспечивавшие пряностями Европу, теперь сами покупают эти пряности у других европейских стран.

Ганза также теряет прежнее значение. Изменились потоки товаров, господствующее положение в торговле по Северному пути заняли производители товаров, Англия и Нидерланды, и к середине XVI в. Ганза, которая торговала чужими товарами, прекратила существование.

Морская торговля переросла в океанскую, и рушились средневековые торговые монополии Ганзы и Венеции. Потоки товаров теперь идут к западной оконечности Европы и далее через океаны.

Казалось бы, от перемещения торговых путей должны были выиграть Испания и Португалия, которые не только владели заокеанскими землями, но и географически были расположены очень выгодно – у выхода в океан. Остальным европейским странам надо было посылать свои суда в океан мимо берегов

Испании и Португалии. Но этим странам было нечем торговать. Выиграли Англия и Нидерланды – производители и владельцы товаров. Центром мировой торговли становится Антверпен, куда собирались товары со всей Европы. Отсюда купеческие суда направлялись за океан, а оттуда возвращались с богатым грузом кофе, сахара и других колониальных товаров.

Увеличился и объем торговли. Если раньше в Европу просачивалось лишь небольшое количество восточных товаров, которое доставляли к берегам Средиземного моря арабские купцы, то теперь поток этих товаров вырос в десятки раз. Например, пряностей в Европе в XVI в. поступало в 30 раз больше, чем в период венецианской торговли. Появились новые товары – табак, кофе, какао, картофель, которых прежде в Европе не знали. И сами европейцы в обмен на эти товары должны были производить своих товаров гораздо больше, чем прежде.

Следует заметить, что новые товары в Европе принимали не сразу. Например, кофе одни считали лекарством, помогающим от всех болезней, а другие – что он крайне вреден для здоровья и пить его грех.

Рост торговли требовал новых форм ее организации. Товарные биржи (крупнейшая в Антверпене) пришли на смену ярмаркам. На таких биржах купцы заключали торговые сделки при отсутствии товаров: купец мог продать кофе будущего урожая или ткани, которые еще не сотканы, а потом купить и доставить своим покупателям.

Таким образом, переворот в торговле также стимулировал развитие товарного производства и рыночных отношений, а тем самым подготовил почву для развития капитализма.

Третьим следствием Великих географических открытий стало рождение колониальной системы. Если в Европе с XVI в. начинает развиваться капитализм, если Европа экономически быстро обгоняет народы других континентов, то одной из основных причин этого было ограбление и эксплуатация колоний.

Колонии не сразу стали эксплуатироваться капиталистическими методами, не сразу стали источниками сырья и рынками сбыта. Они сначала стали источниками первоначального накопления капиталов, объектами ограбления.

Дворяне Испании ехали за океан не для того, чтобы организовывать там упорядоченное хозяйство, они ехали, чтобы грабить и вывозить богатства. А после того как наличные золото и серебро были вывезены и что-то надо было делать с новыми владениями, конкистадоры стали их использовать привычными военно-рабовладельческими методами. Они захватывали или

получали в дар от королей территории с туземным населением, обращая это население в крепостных. Только крепостное право здесь было доведено до рабства.

Чтобы продолжать эксплуатацию новых владений, нужна была рабочая сила. В Испании такой рабочей силы еще не было: здесь еще не начался процесс массового разорения крестьян, поэтому не было почвы для создания переселенческих колоний. Такой рабочей силой стали индейцы. Конкистадорам было необходимо золото и серебро, и они заставляли индейцев разрабатывать золотые и серебряные рудники. Не желавших работать уничтожали целыми деревнями. На рудниках была массовая смертность. По свидетельству очевидцев, воздух вокруг рудников был всегда заражен от сотен разлагавшихся трупов. Испанцы не считали нужным даже давать пищу работавшим на рудниках индейцам, и те через некоторое время умирали от голода. Такими же методами эксплуатировался труд индейцев на плантациях сахарного тростника, кофе и других экзотических для европейцев культур.

Испанский епископ Лас Каас в своем труде «История Индий» (испанские владения в Америке все еще считались Индией) нарисовал страшную картину истребления индейцев. Они не только эксплуатировались, но и использовались для садистских развлечений: в качестве мишеней для стрел, для травли собаками и т. д. Одни лишь иллюстрации книги Лас Кааса приводят в ужас. Население не выдерживало такой эксплуатации и массами вымирало. Сами испанцы насчитывали 15 млн уничтоженных ими за первую половину XVI в. американских индейцев.

Но, уничтожая рабочую силу, испанцы подрывали хозяйственную базу своих колоний. Для пополнения рабочей силы пришлось ввозить в Америку из Африки негров.

Португальцы не могли захватывать огромные территории: не было у них для этого достаточных людских резервов. Население Португалии не превышало 1 млн человек. В тех сравнительно небольших владениях, которые примыкали к их опорным базам в Африке, Индии и Индонезии, туземцы, конечно, подвергались эксплуатации, в частности, платили огромные налоги. Но в основном португальцы обогащались, используя свою торговую монополию. Из Африки они везли рабов, золото, слоновую кость, из Индии – шелковые и хлопчатобумажные ткани, пряности, индиго. Естественно, они скупали эти товары по крайне низким ценам по сравнению с продажными ценами в Европе. Эти цены на местах производства подчас и не казались особенно низкими, потому что у покупателей – португальцев не было конкурентов. Центнер перца, который стоил в Индии 2,5–3 дуката, продавался в Лиссабоне за 20–40 дукатов. Прибыль от торговых операций в 400 % считалась обычной. А в результате накапливались огромные капиталы за счет торговой эксплуатации колониальных владений.

Колониальное господство Португалии продолжалось недолго. Слишком малочисленным было ее население, чтобы содержать и защищать разбросанные опорные базы. В Португалии еще не было достаточно развитого товарного производства, и необходимые для обмена товары она получала из других стран Европы. Она была, в сущности, лишь посредником в торговле. Она продолжала традиции генуэзской и венецианской торговли, только без посредничества арабских купцов. Но главным экономическим результатом и в этом случае было первоначальное накопление капиталов, необходимых для вступления Европы на буржуазный путь развития.

В целом же Великие географические открытия положили начало периоду первоначального накопления в Европе. Они подорвали основу феодальных методов хозяйствования, выдвинули на первый план товарное производство, обеспечили накопление капиталов за счет эксплуатации колоний.

2. Первоначальное накопление и мануфактура в Западной Европе

XVI, XVII и начало XVIII вв. в Западной Европе – переходный период от феодализма к капитализму. Что характерно для этого периода?

Во-первых, это период первоначального накопления, т. е. подготовки основных условий для промышленного капитализма.

Во-вторых, это мануфактурный период, т. е. период господства мануфактуры в промышленности.

В-третьих, это период, когда в большинстве стран Европы сохраняется феодальный строй. Только два государства вырвались вперед и уже развиваются по-капиталистически – Англия и Нидерланды.

Прежде чем переходить к анализу процессов переходного периода в отдельных странах, необходимо выделить основное содержание этих процессов в целом.

Итак, первоначальное накопление – это подготовка основных условий, необходимых для промышленного капитализма.

Для развития промышленного капитализма необходимы капиталы, крупные суммы денег в руках предпринимателей. Без капитала нет капиталиста. Поэтому одна сторона первоначального накопления – накопление капиталов.

Капиталы не могли накапливаться в сфере самого производства. Уставы ремесленных цехов не допускали превращения ремесленной мастерской в крупное предприятие. Основанные на принципе равенства, они не допускали обращения мастера в богатого капиталиста. Крестьянское натуральное хозяйство также не могло стать источником накопления капиталов.

В условиях феодализма крупные богатства накапливались в руках феодалов, но за крайне редким исключением эти богатства не использовались как капитал, не вкладывались в производство.

Поэтому основной сферой первоначального накопления капиталов становилась сфера обращения, сфера торговли и ростовщичества. В этой сфере веками накапливались крупные капиталы, чему способствовали неэквивалентно высокие прибыли. Со временем эти капиталы и стали переливаться в производство, которое теперь обеспечивало все более высокие и надежные прибыли.

Мощным источником первоначального накопления капиталов стали ограбление и эксплуатация заокеанских земель. Захват золота и серебра ацтеков и инков был лишь наиболее вопиющим проявлением этого процесса. Огромные капиталы до этого накапливали венецианские купцы, продавая восточные товары европейцам по крайне вздутым ценам, а позже – португальцы и голландцы.

Когда мы говорим, что за XVI в. масса золота и серебра в Европе выросла в 2–3 раза, то нужно учитывать, что эти драгоценные металлы концентрировались в руках не крестьян и феодалов, а в руках капиталистов, в частности, у тех, кто контролировал товарное производство.

Но для развития промышленного капитализма были необходимы также рабочие, т. е. люди, которые не имели собственного дела, собственного хозяйства, поэтому вынуждены наниматься работать на других. При нормальных феодальных отношениях таких людей не было: крестьянин имел свое хозяйство, ремесленник – свою мастерскую. Правда, были пауперы, бродяги, нищие, но эти маргиналы не могли стать основой рабочих кадров наступающего капиталистического производства.

Поэтому вторая сторона первоначального накопления – разорение крестьян, которым предстоит стать рабочими. Конечно, к накоплению капиталов этот процесс отношения не имел. Почему разорение именно крестьян? Потому что в период феодализма крестьяне составляли основную массу населения. Следует оговориться, что, как правило, разорение крестьян не было всеобщим. Часть крестьян втягивалась в товарное производство, становилась фермерами, а богатый фермер в Англии, например, даже получал дворянское звание. Крестьянство переставало существовать как сословие, связанное общинными отношениями.

В разных странах этот процесс происходил по-разному. В Англии это происходило путем огораживаний, когда «овцы поели людей», в Германии основная масса крестьян потеряла свои хозяйства в ходе реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости, во Франции закабаление крестьян ростовщиками затормозило процесс «раскрестьянивания». Но во всех случаях разорение основной массы крестьян было прямым следствием развития рыночных отношений, разрушавших натуральное крестьянское хозяйство.

В сущности, уже процесс коммутации положил начало образованию слоя наемных рабочих. Отказ от барщины не означал обязательной ликвидации домениального хозяйства и передачу господской пашни в пользование крестьянам. В одних случаях барщина заменялась наемным трудом, потому что в результате коммутации у феодалов появились достаточные для этого денежные суммы. В других случаях домениальные земли сдавались в аренду, а крупным арендаторам тоже были нужны наемные работники.

Для крестьян же коммутация совсем не означала облегчения экономического бремени. Крестьянское хозяйство было поставлено в условия рынка и рыночной конкуренции, при которых одни становились фермерами, расширили свое хозяйство, а другие разорялись и шли в наемные работники. Фигура крестьянина, который имел в деревне дом и приусадебное хозяйство, но почти не имел пашни, становится типичной для того времени.

Период первоначального накопления – это и мануфактурный период, т. е. период, когда в промышленности господствующее положение занимала мануфактура. По определению, мануфактура – это капиталистическое предприятие с наемным трудом и ручной техникой, т. е. без машин.

Исходя из этого определения представляется, что рабочие мануфактуры работают в производственном помещении хозяина, т. е. что это та же фабрика, только с ручным трудом. Да, были и такие мануфактуры, их принято называть централизованными. Но первоначально возникла и длительное время господствовала рассеянная мануфактура, рабочие которой трудились у себя по домам, выполняя заказы мануфактуриста. Например, в шерстяной промышленности Англии рабочие пряли шерсть и готовили грубые шерстяные ткани у себя по домам, и лишь окончательно эти ткани обрабатывались в мастерской владельца. Почему первоначально возникла рассеянная мануфактура?

С одной стороны, потому что рассеянная мануфактура не требовала еще больших капиталов, поэтому могла возникнуть до завершения первоначального накопления. Первоначальное накопление капиталов было необходимо для машинной индустрии, для затрат на основной капитал, на здание, оборудованное машинами, а в рассеянной мануфактуре основного капитала не было, примитивные средства производства принадлежали самому рабочему. Достаточно было оплатить сырье и труд работника.

Рабочему тоже было легче начинать с рассеянной мануфактуры. Трудовая дисциплина, когда надо работать определенное количество часов в чужом доме, еще была непривычна. Это представлялось человеку того времени потерей свободы, полурабской зависимостью и было неприемлемо. Деревенскому кустарю или городскому ремесленнику гораздо легче было принять порядки рассеянной мануфактуры. Для него мало что менялось. Он продолжал работать дома, в окружении своей семьи, тогда, когда ему это было удобно. Более того, если прежде ему было надо заботиться о заготовке сырья и сбыте продукции, то теперь эти заботы брал на себя

хозяин мануфактуры. Человек по-прежнему работал на заказ, только заказчиком выступал не потребитель, а хозяин мануфактуры.

Рассеянная мануфактура в основном развивалась в сельской местности, потому что в городах ее действия не допускали цеховые регламенты. Но не только поэтому. Чаще всего мануфактура вырастала из крестьянских промыслов. Купец – скупщик продукции этих промыслов и становился мануфактуристом. Трудно уловить момент, когда купеческий капитал при этом становился промышленным. В. И. Ленин относил это превращение к тому моменту, когда скупщик начинал раздавать сырье и оплачивать только труд кустарей, но если крестьяне готовили сукно из шерсти собственных овец или пряжу из собственного льна? Английские «купцы-авантюристы» везли крестьянское сукно в Голландию, где оно проходило окончательную обработку в мастерских голландских промышленников. Очевидно, английские скупщики – это еще торговый капитал, а владельцы аппретурных заведений – промышленный, хотя первичные стадии производственного процесса – вне их ведения. Безусловными мануфактуристами являлись флорентийские суконщики, у которых, наоборот, первичная обработка шерсти велась наемными рабочими – чомпи, а затем обработанная шерсть раздавалась прядильщикам и ткачам, работавшим у себя по домам.

Таким образом, происходило не вытеснение торгового капитала промышленным, а перерастание торгового капитала в промышленный.

Принято считать, что основное преимущество мануфактуры перед ремесленным производством заключалось в разделении труда: здесь рабочий не готовил изделие с начала до конца, а выполнял только одну производственную операцию, зато в этой операции его движения становились автоматическими, достигая наибольшей точности и быстроты, и производительность труда повышалась. Однако, например, в текстильном производстве в этом отношении ничего не менялось: и прежде пряли одни (обычно женщины), а ткали другие.

Изменения заключались в другом: когда с развитием рынка продукции стало требоваться гораздо больше, появилось много технических усовершенствований, повышавших производительность труда.

Этот технический прогресс, знаменовавший переход к мануфактурному производству, в Европе начинался дважды. XII–XIII вв. Ф. Бродель даже называет «первая промышленная революция». В это время в разных отраслях стало широко применяться мельничное водяное колесо, появились сукновальные, лесопильные, бумажные мельницы. Применение сукновальных мельниц в шерстяной промышленности имело такое же значение, как механизация ткацкого и прядильного производства несколько веков спустя.

Этот технический подъем опирался на революцию в земледелии: массовое осушение болот, расчистки леса под пашню, освоение заливаемых морем побережий, окончательную победу трехполья и развитие продуктивного товарного животноводства.

Экономический рывок Европы рухнул спадом в XIV–XV вв., похолоданием, голодом, «черной смертью». Население Европы сократилось. Упал рыночный спрос, подорожали рабочие руки, отвоеванная у леса пашня снова зарастала лесом.

С XVI в. промышленный рост возобновился, достигая невиданных прежде масштабов. Теперь, кроме рассеянной мануфактуры, все чаще появляется централизованная. В Голландии уже действовали централизованные текстильные предприятия, в горнорудных промыслах Германии были заняты тысячи рабочих. На предприятиях по изготовлению часов в Женеве одни рабочие делали стрелки, другие – пружины, третьи – корпуса. Такое же разделение труда практиковалось на оружейных предприятиях.

Водяное колесо совершило переворот в металлургии. До этого металл выплавляли в открытых печах-горжах с ручными мехами. В этих печах металл получался в виде тестообразной массы, которую потом расковывали молотами. Теперь к мехам подключили водяное колесо, дутье усилилось, повысилась температура в горне и оттуда потек жидкий чугун.

Сначала не знали, что с ним делать и называли «свинское железо»: ведь железо обрабатывалось ковкой, а чугун ковать нельзя. Потом обнаружили, что если получать в доменных печах чугун, а потом переделывать его на железо, то металла можно получать больше и обойдется он дешевле, хоть производственный процесс и разделился на две операции. Нашлось применение и для самого чугуна – из него, например, можно было отливать пушки.

К этому времени относится и революция в военной технике – победа огнестрельного оружия. Поскольку пули легко пробивали рыцарские латы, феодальная рыцарская конница потеряла прежнее значение. Потерпев поражение в экономике, феодалы терпят поражение и в военном деле.

Среди остальных изобретений следует выделить появление бумаги и книгопечатания. Для написания книги на пергамене из телячьей кожи требовалось истребить целое стадо телят, а нужное для этого количество бумаги получалось из кучи тряпья. Книгопечатание же позволило тиражировать бумажную книгу во множестве экземпляров, сделало ее дешевой, доступной широкому кругу людей и способствовало распространению всякого рода знаний. Это был взрыв информации.

Важнейшей предпосылкой расцвета мануфактурного производства стали Великие географические открытия и рождение колониальной системы. В обмен на колониальные товары, которые стали мощным потоком поступать в Европу, требовалось все больше европейских промышленных изделий. Теперь уже не надо было ограничивать производство, чтобы обеспечить работой всех ремесленников, и цеховые регламенты теряли прежнее значение. К тому же приток драгоценных металлов, которые в конечном итоге оказывались в руках предпринимателей, обеспечивал необходимые капиталы для организации крупных предприятий. Кроме того, «революция цен» понизила реальный уровень заработной платы, а дешевый труд повышал прибыли.

Рост промышленности – рост потребления продовольствия. К тому же цены на сельскохозяйственную продукцию в результате «революции цен» выросли, как и на другие товары. И сельское хозяйство стало весьма рентабельной товарной отраслью производства. Ф. Бродель называет этот период «время великой перестройки» крестьянских жилищ. Прimitивные хижины сменяются добротными домами с застекленными окнами, с мебелью, оловянной посудой, драпировками. Крестьяне стали потребителями промышленных товаров.

Таково было сочетание факторов, вызвавших мануфактурный расцвет Европы.

Но Европа не шла в капитализм единым строем. Вперед вырвались Англия и Нидерланды. Первые буржуазные революции произошли не случайно именно в этих странах. Основой явилось разрушение феодальных структур и переход к товарному сельскому хозяйству, что и ускорило развитие мануфактурной промышленности.

Правда, первоначально очаги буржуазией экономики возникли в итальянских городах Генуе, Венеции, Флоренции, но буржуазный прогресс не охватил всю Италию, не охватил сельское хозяйство страны, остался изолированным, а перемещение торговых путей в результате Великих географических открытий нанесло удар по этим островкам буржуазной экономики и затормозило развитие.

Франция, Испания, Португалия отличались устойчивостью феодальных порядков, переплетенных с общинными отношениями в деревне, косностью натурального крестьянского хозяйства. Это затормозило нарастание буржуазных явлений в экономике.

В странах Восточной Европы устойчивость феодальных отношений усиливалась феодальной раздробленностью и сохранением традиционных порядков средневековых городов. Капитализм сюда приходил извне, с Запада. Следствием стал особый путь втягивания сельского хозяйства в рыночные отношения, «второе издание крепостничества».

3. Экономическая мысль Западной Европы в эпоху первоначального накопления

3.1.1. Монкретьен

Человека, который впервые ввел в социально-экономическую литературу термин «политическая экономия», звали Антуан Монкретьен, сьер де Ваттевиль. Он был небогатым французским дворянином времен Генриха IV и Людовика XIII. Жизнь Монкретьена наполнена приключениями, достойными д'Артаньяна. Поэт, дуэлянт, изгнанник, приближенный короля, мятежник и государственный преступник, он кончил жизнь под ударами шпаги и в дыму пистолетных выстрелов, попав в засаду, устроенную врагами. Впрочем, такой конец был для мятежника удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Даже его тело по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. Погиб он в 1621 г. в возрасте 45 или 46 лет, а его «Трактат политической экономии» вышел в 1615 г. в Руане. Не удивительно, что «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. К сожалению, случилось так, что главным источником биографических данных о нем являются пристрастные и прямо клеветнические отзывы его недоброжелателей. Эти отзывы несут на себе печать жестокой политической и религиозной борьбы. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке.

Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. Теперь ясно, что его трагическая судьба не случайна. Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы несправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя, оказалось закономерным исходом жизни этого простолюдина по рождению (отец его был аптекарем), дворянина по случаю, гуманиста и воина по призванию.

Получив хорошее для своего времени образование, Монкретьен в 20 лет решил сделаться писателем и опубликовал трагедию в стихах на античный сюжет. За ней последовало несколько других драматических и поэтических произведений. Известно также, что он сочинял «Историю Нормандии». В 1605 г., когда Монкретьен был уже известным писателем, он был вынужден бежать в Англию после дуэли, которая закончилась смертью противника.

Четырехлетнее пребывание в Англии сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни Петти – пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Монкретьен начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были ремесленники, многие весьма искусные. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю.

Во Францию Монкретьен вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов третьего сословия. Свои новые идеи он

начал осуществлять на практике. Он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Но главным его занятием была работа над «Трактатом». Несмотря на громкое название, он писал сугубо практическое сочинение, в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству. Он прославляет труд и воздаст необычную для своего времени хвалу классу, который он считал главным создателем богатства страны: «Добрые и славные ремесленники чрезвычайно полезны для своей страны; я осмелюсь сказать, что они необходимы и должны пользоваться почтением».

Монкретьен был одним из видных представителей меркантилизма. Он мыслил хозяйство страны прежде всего как объект государственного управления. Источником богатства страны и государства (короля) он считал внешнюю торговлю, особенно вывоз промышленных и ремесленных изделий.

Свой труд, который он посвятил молодому королю Людовику XIII и королеве-матери, Монкретьен сразу после выхода в свет представил хранителю государственной печати (министру финансов). По-видимому, верноподданническая по форме, книга была сначала принята при дворе неплохо. Автор ее стал играть известную роль как своего рода экономический советник, а в 1617 г. занял пост градоначальника в городе Шатильон-на-Луаре. Вероятно, в это время он получил дворянство. Когда Монкретьен перешел в протестантство и как он оказался в рядах повстанцев-гугенотов, неизвестно. Возможно, он разочаровался в надеждах на реальное осуществление его проектов королевским правительством и был возмущен, видя, что оно вместо этого раздувает пожар новой религиозной войны. Может быть, он пришел к выводу, что сложившимся у него принципам больше соответствует протестантизм, и, будучи человеком решительным и смелым, поднял за него оружие.

Но вернемся к «Трактату политической экономии». Почему Монкретьен так назвал свое сочинение? Меньше всего он думал, что дает название новой науке. Такое или подобное сочетание слов, так сказать, носилось в воздухе – в воздухе эпохи Возрождения, когда воскрешались, переосмысливались и получали новую жизнь многие идеи и понятия античной культуры. Как всякий хорошо образованный человек своего времени, Монкретьен знал греческий и латинский языки, читал древних авторов. В «Трактате», следуя духу времени, он то и дело ссылается на них. Несомненно, ему было известно, какой смысл слова «экономия» и «экономика» имели у Ксенофонта и Аристотеля. У писателей XVII в. эти слова по-прежнему означали еще домоводство, управление семьей и личным хозяйством. Немного позже Монкретьена один англичанин опубликовал книгу под названием «Наблюдения и советы экономические». Автор определял экономию как «искусство хорошего управления домом и состоянием» и занимался, например, такой проблемой, как выбор джентльменом подходящей жены. Согласно его «экономическому» совету, следует выбирать в супруги даму, которая «будет столь же полезной днем, сколь приятной ночью».

Очевидно, это была не совсем та экономия, которая интересовала Монкретьена. Все его помыслы были направлены именно на процветание хозяйства как государственной, национальной общности. Не удивительно, что перед словом «экономия» он поставил определение «политическая».

Добрых 150 лет после Монкретьена политическая экономия рассматривалась преимущественно как наука о государственном хозяйстве, об экономике национальных государств, управляемых, как правило, абсолютными монархами. Только при Адаме Смите, с созданием классической школы буржуазной политической экономии, ее характер изменился и она стала превращаться в науку о законах хозяйства вообще, в частности, об экономических отношениях классов.

Главная заслуга Монкретьена, конечно, не в том, что он дал своей книге такой удачный титульный лист. Это было одно из первых во Франции и в Европе сочинений, специально посвященных экономическим проблемам. В нем выделялся и ограничивался особый предмет исследования, отличный от предмета других общественных наук.

Эпоха первоначального накопления представляет собой предысторию буржуазного способа производства как меркантилизм – предысторию буржуазной политической экономии. Сам термин «первоначальное накопление», видимо, впервые употребил Адам Смит: он писал, что условием роста производительности труда на основе развития многих связанных между собой отраслей производства является первоначальное накопление капитала.

Маркс говорит о «так называемом первоначальном накоплении». Дело в том, что со времен Смита этот термин укоренился в буржуазной науке и приобрел особый, благопристойный смысл: «В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того... Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры». Таким образом, процесс, в итоге которого в обществе выделились классы капиталистов и наемных рабочих и возникли условия для быстрого развития капитализма, изображался буржуазными учеными, современными Марксу, как экономическая идиллия.

На самом деле это очень далеко от истины. Конечно, первоначальное накопление капитала – это реальный исторический процесс. Но проходил он в действительности в ходе жестокой классовой борьбы, был связан с угнетением, с насилием и обманом. Это не было результатом чьей-то злой воли, «исконной» склонности людей к насилию и т. п. Нет, в ходе первоначального накопления только пробивала себе дорогу объективная историческая закономерность. Более того, этот процесс был по своей сущности прогрессивен, он вел общество вперед. Эпоха первоначального накопления – эпоха относительно быстрого увеличения производства, роста промышленных и торговых городов, развития науки и техники.

Это эпоха Возрождения, которая несла с собой расцвет культуры и искусства после тысячелетнего застоя.

Но, в свою очередь, и наука, и культура могли быстро развиваться в эту эпоху, потому что происходила ломка старых феодальных общественных отношений, их место занимали новые, буржуазные отношения. Не могло быть и речи об идиллии, когда происходило превращение миллионов мелких хозяев, частью еще полукрепостных, частью уже свободных земельных собственников и городских и сельских пролетариев. Не могло быть и речи об идиллии, когда формировался класс капиталистов-эксплуататоров, религией которых были деньги.

В XVI в. в ряде стран Западной Европы – в Англии, Франции, Испании – сложились централизованные национальные государства с сильной королевской властью. В ходе вековой борьбы она одолела своеволие баронов и подчинила их себе. Феодальные дружины были распущены, воины и челядь феодалов оказались «без работы». Если эти люди не хотели идти в батраки, они шли в армию и во флот, отправлялись в колонии в надежде на сказочные богатства Америки или Ост-Индии. Но если в качестве батраков они обогащали фермеров и помещиков, то, уходя за море, они чаще всего обогащали купцов, плантаторов, судовладельцев. Немногие «выходили в люди», богатели и сами превращались в купцов или плантаторов. Иным крупным состояниям положило начало пиратство, прямой разбой.

Города, ремесленная и торговая буржуазия были союзниками и опорой королей в их борьбе с баронами. Города давали королевской власти деньги и оружие, а иногда и людей для этой борьбы. Да и само передвижение центров хозяйственной жизни в города подрывало власть и влияние феодалов. Но буржуазия, в свою очередь, требовала от государственной власти поддержки ее интересов против феодалов, против «черни» и против иностранных конкурентов. И государство оказывало ей эту поддержку. Торговые компании и ремесленные корпорации

получали от королей разные привилегии и монополии. Издавались законы, которые под страхом жестоких наказаний заставляли бедняков работать на предпринимателей, устанавливали максимум заработной платы. В интересах городской, особенно торговой буржуазии проводилась экономическая политика меркантилизма. Во многих случаях меркантилистские мероприятия соответствовали и интересам дворянства, поскольку его доходы были так или иначе связаны с торгово-предпринимательской деятельностью.

Началом, исходным пунктом всякого предпринимательства являются деньги, которые превращаются в денежный капитал, когда владелец нанимает на них рабочих, покупает товары для обработки или перепродажи. Этот факт лежит в основе меркантилизма, сутью и целью которого было привлечение в страну денег – драгоценных металлов.

В эпоху раннего меркантилизма эти мероприятия были примитивны. Иностранных купцов принуждали расходовать на месте всю выручку от продажи их товаров в пределах данной страны и даже назначали для этого особых «надзирателей», иногда тайных. Вывоз золота и серебра за границу просто запрещался.

Позже – в XVII и XVIII вв. – государства Европы перешли к более гибкой и конструктивной политике. Правители и их советники поняли, что самый надежный способ привлечь в страну деньги – развивать производство экспортных товаров и добиваться превышения вывоза над ввозом. Поэтому государственная власть стала насаждать промышленное производство, покровительствовать мануфактурам и основывать их.

Этим двум стадиям в политике меркантилизма соответствуют и две стадии в развитии его экономической теории. Ранний меркантилизм, который называют также монетарной системой, не шел дальше разработки административных мероприятий для удержания денег в стране. Развитый меркантилизм ищет источники обогащения нации не в примитивном накоплении сокровищ, а в развитии внешней торговли и активном торговом балансе (превышении экспорта над импортом). Ему уже чужд «административный восторг» предшественников. Представители развитого меркантилизма одобряют лишь такое вмешательство государства, которое, по их представлению, соответствует принципам естественного права. Философия естественного права оказала важнейшее влияние на развитие политической экономии в XVII–XVIII вв. В известной мере сама эта наука развивалась в рамках идей естественного права. Эти идеи, ведущие свое происхождение от Аристотеля и других античных мыслителей, получили в Новое время и новое содержание. Философы естественного права выводили свои теории из абстрактной «природы человека» и его «природных» прав. Поскольку эти права во многом противоречили светскому и церковному деспотизму Средневековья, философия естественного права содержала важные прогрессивные элементы. На позициях естественного права стояли гуманисты эпохи Возрождения.

Обращаясь к государству, философы и следовавшие по их стопам теоретики меркантилизма рассматривали его как организацию, способную обеспечить природные права человека, в число которых входили собственность и безопасность. Социальный смысл этих теорий состоял в том, что государство должно обеспечивать условия для роста буржуазного богатства.

Связь экономических теорий с естественным правом впоследствии перешла из меркантилизма в классическую политическую экономию. Однако характер этой связи изменился, поскольку в период развития классической школы (физиократы во Франции, смитианство в Англии) буржуазия уже меньше нуждалась в опеке государства и, более того, выступала против чрезмерного государственного вмешательства в хозяйство.

3.1.2. Томас Манн и «Евангелие меркантилизма»

Одним из главных представителей западноевропейского меркантилизма XVII в. по праву считается английский экономист Томас Манн (1571–1641).

Манн родился в Лондоне в семье купцов и ремесленников. Он был внуком чеканщика на лондонском монетном дворе и сыном торговца шелком и бархатом. Так в его родословной сложилось своеобразное символическое единство двух ключевых понятий рыночной экономики – денег и торговли.

Потеряв отца в раннем детстве, Манн воспитывался в семье отчима – богатого купца и одного из учредителей Ост-Индской компании, созданной в 1600 г. в качестве нового отделения Левантской компании, давно и успешно торговавшей со странами Средиземноморья. Овладев основами коммерческого дела в конторе отчима, а затем прослужив несколько лет в Левантской компании, Манн разбогател и приобрел известность и солидную репутацию как в Сити, так и в английском парламенте. Он стал членом совета директоров Ост-Индской компании, а в 1622 г. вошел в состав правительственной комиссии по торговле, организованной по инициативе короля Якова I в качестве специального органа для проведения экспертиз и разработки рекомендаций в области внешнеторговой политики страны.

В период, когда Англия стала мощной торговой державой, незаурядный купец Манн превратился в талантливого теоретика, выдвинувшего новые принципы государственной экономической политики и экономической идеологии меркантилизма.

Один из современников Манна дал ему следующую завидную характеристику: «Его познания об ост-индской торговле, его суждения о торговле вообще, его усердные труды на родине и опыт за границей – все это украсило его такими достоинствами, какие можно только желать в каждом человеке, но какие нелегко найти в эти времена среди купцов».

Два относительно небольших по объему произведения Манна заняли достойное место в общей истории экономической теории. Причем первое («Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией; ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее») увидело свет в 1621 г. и имело форму полемического памфлета, в котором непосредственная защита экономических интересов Ост-Индской компании дала реальную возможность приступить к обоснованию концепции позднего, или зрелого, меркантилизма. Другая же книга («Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства») вышла лишь в 1664 г., т. е. спустя более чем два десятилетия после кончины автора, и представляла собой настолько важную и интересную разработку принципов меркантилизма с точки зрения природы обменных процессов в экономике, а равно и их государственного регулирования, что вызвала в последующем пристальное внимание многих ученых – от Адама Смита и Карла Маркса до Джона Кейнса.

Что касается А. Смита, то он счел необходимым упомянуть об этом произведении в своем знаменитом «Богатстве народов»: «Само название книги Манна... стало основным положением политической экономии не только в Англии, но и во всех других торговых странах».

Очевидный интерес представляет также оценка обоих трудов Манна, данная К. Марксом. «Это сочинение («Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией». – *Ред.*), – отмечал он, – уже в первом своем издании имело то специфическое значение, что было направлено против первоначальной монетарной системы, которую тогда еще защищали в Англии в качестве государственной практики; оно представляло, следовательно сознательное самоотмежевание меркантилистской системы от системы, явившейся ее родоначальницей. Уже в первом своем виде сочинение Манна выдержало несколько изданий и оказало прямое влияние на законодательство. Совершенно переработанное автором и вышедшее в свет в 1664 г., уже после его смерти, под заглавием «Богатство Англии во внешней торговле» сочинение это оставалось еще в тече-

ние ста лет *евангелием меркантилизма* (выделено нами. – *Ред.*). Именно эту книгу К. Маркс охарактеризовал как сочинение, «составляющее эпоху».

Между прочим, выпуская в свет названную книгу, сын Томаса Манна Джон (богатый землевладелец и купец) снабдил ее предисловием, в котором напомнил власть имущим и английской общественности о былых заслугах отца: «В свое время он пользовался большой славой среди купцов и хорошо известен был большинству деловых людей благодаря большому опыту в делах и глубокому пониманию торговли».

Меркантилизм в целом явился важным шагом в попытках нарождающейся экономической науки решить проблему роста богатства отдельных стран на основе рыночного обмена. Его идеология, формировавшаяся в эпоху первоначального накопления капитала и бурного роста буржуазии после Великих географических открытий, опиралась на два главных постулата: 1) богатство отождествлялось с полноценными деньгами (золотом и серебром) и 2) власть абсолютистских государств должна была играть существенную роль в увеличении национального богатства. Именно меркантилисты выступили своеобразными первопроходцами в области теоретического обоснования необходимости государственного вмешательства в рыночную экономику и определения конкретных рекомендаций для государственного регулирования внешней торговли.

При этом представители «раннего» меркантилизма, или так называемой монетарной системы, советовали своим монархам осуществлять контроль исключительно за денежным балансом страны, т. е. следить за достижением преобладания ввоза золота и серебра над их вывозом с помощью полного запрета вывоза денег и установления государственной монополии на торговлю валютой.

В отличие от них Манн подверг всесторонней критике подобную практику регулирования денежного баланса страны и выступил решительным сторонником активного торгового баланса, когда экспорт товаров превышает их импорт. Он убедительно доказал, что приумножению национального богатства и его удержанию в стране должна способствовать активная международная торговля и определенная внешнеторговая политика государства.

Принципиальное различие между концепцией активного денежного баланса (превышения ввоза денег над их вывозом) и концепцией активного торгового баланса (превышения экспорта товаров над их импортом) заключалось в том, что в первом варианте делался акцент на регулирующей деятельности самого государства, а во втором – на развертывании частной инициативы купцов и торговых компаний при использовании государства в качестве «опекуна» и регулятора внешних экономических отношений.

«Торговля товарами, – писал Манн, – является не только похвальной практикой, которая так достойно осуществляет общение между народами, но и, как я бы сказал, поистине проблемным камнем процветания государства, если только при этом заботливо соблюдаются известные правила».

Поставив во главу угла своей экономической концепции активный торговый баланс вместо системы денежного баланса, Манн выдвинул чрезвычайно важное положение, что внешняя торговля есть главный регулятор количества денег в стране и тем самым регулятор ее обогащения. Книга Манна «Богатство Англии во внешней торговле» начинается со следующих утверждений: «Хотя королевство может быть обогащено дарами, полученными от других стран, или их грабежом, все же эти пути обогащения ненадежны и имеют малое значение. Поэтому обычным средством для увеличения нашего богатства и денег является внешняя торговля. При этом мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них».

Следует особо подчеркнуть, что Манн одновременно проявлял серьезную заботу о необходимости развития прежде всего отечественного производства и ограничения потребления импортных товаров. Для обеспечения превышения суммы экспорта товаров над суммой их

импорта он предлагал вывозить за границу готовые изделия, а не сырье, поскольку в этом случае общая выручка от их продажи будет значительно больше. Увеличению положительного сальдо торгового баланса страны должна была способствовать, по его мнению, и активная посредническая (транзитная) торговля, для чего разрешался вывоз самих денег. Причем эти деньги следовало использовать для закупки товаров по низким ценам в одних странах с целью их последующей перепродажи по высоким ценам в других. Именно такая стратегия наблюдалась в торговой деятельности Ост-Индской компании, которая вывозила из Индии на огромные суммы пряности, шелк, хлопок и другие «колониальные» товары для частичного сбыта в Англии, но главным образом для перепродажи в других европейских странах. Если сторонники теории денежного баланса (монетарной системы) считали подобный вывоз денег в Индию «смертным грехом», сокращающим богатство английского королевства, то купец Манн с помощью наглядных расчетов доказывал обратное. В частности, он приводил пример торговли перцем, один фунт которого стоил тогда в Лондоне 2 шиллинга. «Но если тот же купец, – писал Манн, – привезет этот перец из Ост-Индии, он там заплатит за него самое большее 3 пенса за фунт и получит огромную выгоду не только на перце, который нужен нам для удовлетворения наших потребностей, но также и на том огромном количестве его, которое мы вывозим ежегодно в различные другие страны для продажи там по более высоким ценам. Из этого ясно, что мы получим гораздо большую выгоду от этих индийских товаров, чем те страны, где эти товары произрастают и которым они, собственно принадлежат, являясь естественным богатством этих стран».

Выступая с решительной критикой противников вывоза за границу денег, что якобы может привести к уменьшению национального богатства, он удачно и образно сравнивал вывоз денег с действиями фермера: «Ведь если мы будем судить о фермере по его действиям только во время посева, когда он бросает в землю много хорошего зерна, мы сочтем его сумасшедшим; если же мы посмотрим на то, что получилось из его трудов при жатве, которая является завершением его стараний, мы увидим достойный и обильный результат его действий». Отсюда Манн сформулировал свой известный тезис: «Деньги порождают торговлю, а торговля увеличивает деньги».

Деньги купца при их разумном использовании как раз и представляют тот экономический «посев», который должен принести богатый «урожай».

Для стимулирования национальной мануфактурной промышленности и развертывания, выражаясь современным языком, внешнеторговой экспансии Манн ратовал за государственную политику таможенного протекционизма с помощью обложения высокими пошлинами импортных товаров вплоть до полного запрета ввоза предметов роскоши. При этом государство может выдавать специальные премии (субсидии) тем предприятиям, которые должны были выпускать продукцию для внешних рынков. Небезынтересно отметить, как в Англии пытались поддерживать отечественного производителя еще во второй половине XVI в., в период правления королевы Елизаветы, которая, например, для поощрения национального рыболовства ввела особый пост с многомесячным употреблением рыбных блюд, а в целях содействия отечественному производству шерсти потребовала под угрозой высоких штрафных санкций обязательного погребения всех состоятельных граждан страны исключительно в шерстяной одежде.

Изучение внешней торговли с точки зрения ее прямого и косвенного воздействия на увеличение национального богатства позволило Манну существенно продвинуть вперед теорию денег. Если для его предшественников деньги являлись, по сути дела, лишь всеобщей материализацией богатства и, следовательно, их изначальной «родовой» функцией считалась функция образования сокровищ, т. е. средства накопления богатства, то у Манна уже обнаружилось раскрытие основополагающей функции денег как универсального средства обмена. Причем

именно благодаря обмену в форме внешнеторговых отношений как раз и происходило само накопление богатства.

Манн не обошел вниманием (хотя, естественно, сделал это исключительно в сфере обменных процессов) и такую функцию денег, как мера стоимости, заявив, что «деньги являются не только истинной мерой всех наших средств в королевстве, но также мерой наших торговых сношений с иностранцами, которую мы поэтому должны стараться сохранять справедливой и постоянной во избежание тех замешательств, которые всегда сопутствуют таким изменениям». Рассматривая процессы вложения денег как в торговые операции, так и в мануфактурное производство, он фактически вплотную приблизился к характеристике денег в качестве формы капитала. Кроме того, выступив против засилья ростовщичества в экономике и стараясь освободить от его гнета купцов, торговые компании да и государство, Манн одним из первых начал декларировать естественную зависимость ссудного процента от торговли, призывая правительство бороться с ростовщиками с помощью законодательного ограничения процентных ставок.

И, наконец, Манна можно отнести к родоначальникам количественной теории денег, поскольку он утверждал, что все товары на рынке дорожают или дешевеют в прямой зависимости от обилия или недостатка денег в стране.

Сочинения Манна, содержащие новые теоретические подходы к выяснению источников обогащения страны, явились также убедительным подтверждением прикладного характера экономической науки, главное предназначение которой и по сей день заключается в том, чтобы вооружить людей и человеческое общество конкретными инструментами роста своего благосостояния. Разумеется, в первой половине XVII в. практическая направленность теории меркантилизма была связана с защитой и соблюдением экономических интересов купцов и владельцев мануфактур. Что же касается тяжелого материального положения простого народа, то Манн, хотя и видел распространение в Англии нищеты и бедности, заслуживающих, по его словам, «христианского сострадания и милосердия», в то же время писал, что такие люди «безнадежно погружаются в несчастье по своему безумию и своенравию», что «из-за бесстыдной праздности огромное количество людей обманывает, ворует, мошенничает, блюдолизничает, бродяжничают, просит милостыню, голодает и преждевременно погибает». Отсюда делался вывод о необходимости лишь крайне умеренной, т. е., по сути дела, на уровне прожиточного минимума, оплате наемного труда. «Как изобилие и мощь, – подчеркивал Манн, – делают народ порочным и непредусмотрительным, так лишения и нужда делают его разумным и трудолюбивым».

Совокупность взглядов Манна позволяет считать, что он был одним из тех крупных экономистов, которые внесли заметный вклад в развернутый анализ нарождающейся системы рыночных отношений со всеми ее позитивными и негативными чертами. Далеко не случайно ряд его оригинальных идей смог найти логическое продолжение в концепциях экономической мысли XX в. и, в частности, в макроэкономической теории Дж. М. Кейнса, который обнаружил в учении меркантилистов «элементы научной истины» и даже посвятил их рассмотрению отдельную главу в своем знаменитом труде «Общая теория занятости, процента и денег». «... Если говорить о вкладе в искусство государственного управления экономической системой в целом и обеспечения оптимальной занятости всех ресурсов этой системы, – писал он, – то ранние представители экономической мысли XVI и XVII вв. в некоторых вопросах достигали практической мудрости, которая в оторванных от жизни абстракциях Рикардо была сначала забыта, а потом и вовсе вычеркнута».

Вплоть до настоящего времени не сданы в архив наполненные «практической мудростью» утверждения Манна, касающиеся вмешательства государства в регулирование рыночной торговли, усиления внешнеторговой экспансии, поддержки национального производства с помощью таможенного протекционизма, установления процентных ставок на основе обменных процессов, зависимости уровня товарных цен от количества денег в обращении, а также

многофункциональной природы самих денег и, наконец, использования роста цен для стимулирования развития торговли и промышленности. Так выглядят главные черты «благой вести» Томаса Манна, изложенные им в талантливом «Евангелии меркантилизма».

Литература

1. Всемирная история. Т. 4. М., 1958.
2. История Европы. Т. 3. М., 1993.
3. *Лас Касас Б.* История Индии. Л., 1968.
4. *Магидович И. Л.* Очерки по истории географических открытий. М., 1957.
5. *Мотылов В.Е.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.

4. Рождение цивилизации в Месоамерике

4.1. Месоамерика и Древний Восток

Первые государства Старого Света, первые очаги цивилизации возникли в странах с жарким климатом. Первые города и государства в Америке также родились в тропическом поясе Месоамерики: государства майя, инков, ацтеков.

Ко времени прихода европейцев индейцы умеренного пояса Северной Америки оставались на стадии родоплеменных отношений, и даже характер этих отношений европейские ученые изучали в основном на материале индейских племен, поскольку европейские народы давно уже ушли от этой первобытной стадии.

На стадии первобытнообщинного строя оставались и народы Южной Америки. Индейцы пампы, патагонцы были бродячими охотниками, жили родовыми группами по 30–69 человек. У индейцев бассейнов Амазонки и Ориноко не было не только союзов племен, но даже племенной организации. Крытые пальмовыми листьями примитивные жилища у них были общими для всей общины.

И только в тропическом поясе Месоамерики к приходу европейцев существовали государства, города, письменность. Некоторые исследователи считают, что по своему культурно-экономическому уровню они были близки «Египту времен фараонов» [9, с. 26], т. е. государствам Древнего Востока.

Нужно, однако, учитывать, что возникли они намного позже, чем государства Древнего Востока, расцвет которых приходился на период до нашей эры. Классический период государства майя – II–X вв. н. э., государства ацтеков – XII–XV вв., инков – XV–XVI вв., что соответствовало европейскому феодализму.

Архитектурные сооружения этих государств не уступали пирамидам и зиккуратам Старого Света. Например, «Пирамида Солнца» в Теопотеуакане достигала 72 м высоты. У майя была письменность, расшифрованная Ю. В. Кнорозовым, их календарь по точности далеко превосходил европейский того времени. По астрономическим наблюдениям они также превосходили Европу. Но они не знали колеса, у них не было тяглового скота и пахотных орудий. Они не знали железа, но железа не знали и в странах Древнего Востока.

Лишь одно сближало эти государства со странами Древнего Востока: государство существовало за счет эксплуатации крестьян-общинников. Только разница в положении верхов и низов здесь была гораздо значительнее. Величественные пирамиды, города, письменность – все это было достоянием только верхов общества, но с другой стороны, – самые примитивные орудия труда, соответствующие каменному веку: каменные топоры, каменные орудия для обработки того же камня, заостренная палка вместо мотыги.

Экономика и социальные отношения цивилизаций доколумбовой Америки имели очень много общего. Поэтому мы детально рассмотрим хозяйство майя, которое возникло раньше и просуществовало дольше других, а затем выделим особенности экономики государств ацтеков и инков.

4.2. Майя

Земледельческая культура майя

Первоначально города майя занимали сравнительно небольшую территорию на подступах к полуострову Юкатан, т. е. в основном на юге нынешней Мексики. Там находились древнейшие города майя – Паленке, Тикаль, Копан и др., города, раскопанные археологами в джунглях, в сельве. Очарование этих восстановленных из праха городов, восхищение грандиозностью заросших джунглями строений и даже сам процесс восстановления погибшей цивилизации – именно это обычно составляет основу наших знаний о цивилизации майя.

Для нас же важнее определить, за счет чего существовала эта цивилизация, кто строил эти города, кто обеспечивал роскошь их обитателей, т. е. восстановить хозяйство и быт простых людей, крестьян.

Основной культурой, которую возделывали майя, был маис. Использовалась подсечно-огневая система земледелия, как и у соседних племен сельвы, не достигших государственности. Но это была не совсем та подсечно-огневая система, которая практиковалась и у славян, и у других народов Европы.

Чтобы освободить землю под кукурузное поле, лес выжигали. Но землю после этого не обрабатывали. У майя не было не только примитивных пахотных орудий (сохи), но даже и мотыг. Заостренной палкой делали ямки в земле, и в каждую ямку бросали несколько зерен кукурузы, а иногда – семена фасоли и тыквы. Пахотное орудие здесь было непригодно: в земле оставались корни сожженных деревьев, и такое орудие застряло бы.

И все же примитивность такой системы не следует преувеличивать. Академик Н. И. Вавилов писал, что поля там представляли «сообщество различных культурных растений: фасоль обвивает кукурузу, а между ними растут различного рода тыквы. Смешанная культура является господствующей в древней Мексике» [4, с. 101].

Высокий урожай удобренная пеплом и золой земля давала только в первый год. Через 2–3 года поле забрасывалось, зарастало джунглями и засеивалось заранее подготовленное новое поле. Лишь через 6–10 лет могли вернуться к прежнему, но для этого надо было заново выжигать выросший на нем лес.

Согласно обычному представлению примитивная подсечно-огневая система не могла дать достаточно высокий прибавочный продукт, чтобы обеспечить строительство и содержание городов – святилищ майя. Однако, по расчетам Е. И. Гуляева, семья из пяти человек за год получала 4 т кукурузы, а потребляла 1,5 т, т. е. прибавочный продукт составлял свыше 60 % [4, с. 29]. К. Керам подтверждает эти расчеты. По его словам, крестьяне в виде натурального налога отдавали 2/3 своего урожая [7, с. 356].

К тому же майя иногда использовали и более совершенные приемы земледелия. В одной из публикаций газеты «Правда» за 30 июня 1980 г. было отмечено, что на территории бывшего государства майя «радар обнаружил под густым пологом тропической зелени остатки разветвленной системы ирригационных каналов». Здесь была допущена одна неточность: это были не ирригационные, а дренажные каналы.

В условиях болотистых джунглей и сезонных ливней ирригация была не нужна. Наоборот, требовалось отводить лишнюю воду. Между двумя параллельными каналами лежали «приподнятые поля» – подтопляемые снизу участки земли. Благодаря такой дренажной сети майя «смогли превратить около 400 га болота и грязи вокруг Этны в цветущие сады и поля» [4, с. 105]. Очевидно, такая система не вытекала из традиционных отношений, а строилась под руководством государства.

В деревне сохранялись общинные отношения. Очищенная выжиганием от леса земля делилась на участки отдельных семей, а сады и приусадебные участки находились в наследственной собственности.

Домашних животных у крестьян не было. Основную пищу составляла кукуруза. Из кукурузной муки выпекали плоские лепешки – «тортильяс». Важную часть питания также составляли бобы. В основном это была растительная пища. Майя пили шоколад из бобов какао, а из сока растения маги готовили опьяняющий напиток пульке. У них уже существовал ткацкий станок, и крестьяне майя носили хлопчатобумажную одежду.

Кроме натурального налога в пользу государства они должны были выполнять государственную трудовую повинность: строить города, пирамиды, дороги. За этим следили чиновники – батабы, стоявшие во главе селений.

Было очень важно выжечь лес в конце периода засухи до начала сезонных ливней. Это время рассчитывали жрецы в городах, и из городов по деревням направлялись гонцы, оповещающие крестьян: «Пора». В 1950 г. в двух районах бывших земель майя наступил голод: умер последний, кто разбирался в тайнах календаря майя, и ливни потушили огонь.

Города – святилища майя

Строго говоря, у майя не было единого государства. Каждый город был самостоятельным городом-государством. Но в отличие от средневековых европейских городов-государств это были города-святилища с пирамидами и храмами. Жилые строения для жрецов и знатных людей не были столь монументальными. Простой народ, крестьяне, жили за пределами города.

В городах майя не существовало улиц. Это была свободная застройка на разных уровнях. В центре находились пирамиды – храмы на искусственно сооруженных платформах, господствуя над остальным городом. А вокруг этих сооружений располагались дома жрецов и знати. В городе Цибильчальтуне археологи раскопали свыше 400 каменных построек, в городе Йашха – более 500.

При этом и город в целом размещался на возвышенной платформе – плато. Например, один из древнейших городов майя, Паленке, занимал 19 га на естественной платформе, которая возвышалась на 60 м.

Города соединялись между собой дорогами шириной более 10 м, расположенными на насыпях высотой от 60 до 250 см. Насыпи состояли из щебня, залитого раствором извести. И это при том, что у майя не было ни колеса, ни тягловых животных, а, следовательно, повозок.

Итак, в отличие от средневековых европейских или античных городов, города майя были святилищами и одновременно – государственно-административными центрами, местом пребывания господствующей верхушки – жрецов и знати. Их власть над остальной территорией и остальным населением была безмерной. Это были две разные культуры. У верхов была письменность, причем для письма использовалась даже бумага, был точный календарь, велись астрономические наблюдения, а низы оставались на стадии первобытнообщинного строя.

И все же города были и экономическими центрами, центрами ремесла и торговли. Конечно, здесь не было ремесленных цехов. Ремесленники обслуживали государство и знать. В ремесленных мастерских готовили статуэтки и другие изделия из ценных пород камня, особенно из нефрита, изящные керамические сосуды, оружие. Архитекторы руководили строительством храмов и пирамид.

Религиозные центры были одновременно местами торгового обмена. Крупнейшие города майя первого тысячелетия находились в сотнях километров от океана, но здесь при раскопках находят раковины, кораллы, жемчуг. Зеленый обсидиан добывался лишь в одном месте – на северо-востоке Мексики, но изделия из него находят во многих городах майя.

Это был не просто обмен продуктами, а именно торговля: в качестве денег использовались бобы какао. Кролик стоил 10 бобов, раб – 100 бобов. Это была настолько обычная валюта, что Кортес был вынужден платить бобами жалование своим солдатам, причем 200 бобов приравнивались к золотому реалу.

Исследователь Э. Томпсон назвал майя «финикийцами Нового Света»: их суда перевозили товары вокруг всего полуострова Юкатан. Правда, судно майя – это долбленая лодка, но на ней могло разместиться до 40 человек.

Загадка майя. Гибель или Великое переселение

Главной загадкой цивилизации майя для историков была катастрофа, которая произошла к концу IX в. «За одно лишь столетие заброшенные города майя оказались вновь поглощенными джунглями», – писал американский археолог Ч. Галленкамп [3, с. 130]. Города первоначальной территории заселения майя были покинуты жителями.

Правда, это не означало гибели цивилизации. На севере от первоначальной территории майя, уже на самом полуострове Юкатан, культура майя возрождается, растут новые города. Очевидно, это была не гибель, а великое переселение.

Но эти новые города – Ушмаль, Чичен-Ица и др. – несколько отличались от прежних. Многие здания имели иную архитектуру, появились улицы. На стенах храмов появились фигуры воинов с копьями и щитами, которых не было в прежних городах майя. Старые города майя не имели крепостных стен. А, например, город Тулум на Юкатане с трех сторон был укреплен крепостными стенами высотой в 3–4 м, а четвертая сторона представляла обрыв в море.

Появились новые божества: Кецалькоатль – пернатый змей, Чакмооль, лежащие скульптурные изображения которого имели углубление для стока крови жертв. Эти новые божества требовали человеческих жертвоприношений. Особое внимание исследователей привлек «Колодец жертв» в Чичен-Ице, куда бросали девушек в жертву богу воды.

Выдвигались разные гипотезы о причинах гибели городов древнего царства майя. Объясняли это, например, истощением земель, которое заставило искать новые земли. Но при подсечно-огневой системе такого истощения быть не могло: сжигаемые джунгли каждый раз заново удобряли землю. Это происходило столетиями, потом вдруг вся земля истощилась!

Выдвигалась и такая версия, что города были разрушены в результате крестьянского восстания. Но и эта версия не выдерживала критики. Восстать против жрецов, против городов-святилищ значило восстать против богов, которые обеспечивают жизнь.

Действительная причина опустошения заключалась в нашествии чужеземцев. В Старом Свете земледельческие государства нередко подвергались нашествиям кочевников. Через какое-то время пришельцы ассимилировались, перенимали культуру земледельцев, и государство продолжало существовать, в несколько преобразованном пришельцами виде. Это же произошло и здесь. Правда, по сельве было невозможно кочевать со стадами скота, да и самого скота не было. Но были воинственные народы, которые были склонны грабить соседей, а иногда и сами мигрировали, уходя от более сильных племен.

«Новое царство» майя, которое возродилось на Юкатане, представляло смесь двух культур – майя и тольтеков.

4.3. Инки

Особый вариант рождения цивилизации представляло государство инков. Его особенности в значительной степени определялись тем, что государство возникло не в сельве, а в Кордильерах. В горах были рудные месторождения, что способствовало развитию металлургии. В отличие от земледелия в сельве поля здесь нуждались в искусственном орошении, поэтому здесь возникли ирригационные сооружения в особом, горном варианте. Если у крестьян сельвы не было домашних животных, то здесь в качестве вьючного скота использовались ламы. Короче говоря, уровень материальной культуры здесь был выше, чем у майя и ацтеков. Правда, колеса, повозки и пахотных орудий не знали и здесь.

Но не все особенности рождения цивилизации инков можно объяснить природными условиями. Необычным и даже в какой-то степени загадочным было то обстоятельство, что развитие хозяйства здесь намного опередило образование государства. Государство инков возникло в XV в. и просуществовало до прихода конкистадоров немного более столетия, но уровень производительных сил, характерный для этого государства, сложился уже в VIII–IX вв., при сохранении родоплеменных отношений.

Уже в это время прокладывались оросительные каналы, тянувшиеся на сотни километров, существовали мощные каменные дороги. Уже в это время здесь умели выплавлять из руды золото, серебро и свинец. Рождение государственной власти не повысило достигнутый уровень материальной культуры.

Особенно значительные достижения прослеживаются в археологической культуре Тиауанако (VIII–IX вв.), поселение которой находилось на берегу озера Титикака. Здания из кирпича-сырца располагались на площади около 1 кв. км. Центральное положение занимал храм Солнца из плит базальта и песчаника. В сущности, это был зародыш государства, причем государства теократического.

Социальный строй

В XV в. одно из племен, **инки**, подчинило себе другие племена Кордильер, захватив территорию от нынешней Колумбии до Среднего Чили. На этой территории проживало около 6 млн человек. Особенность социального строя этого государства заключалась в том, что господствующую верхушку составляла не аристократически-жреческая знать, а все инки. И существовала эта верхушка за счет эксплуатации побежденных племен. Таким образом, социальные группы определялись этнической принадлежностью.

Инки не работали, составляя военно-служилую знать. Правители выделяли им земельные участки с работниками из покоренных племен, которых на эти земли переселяло государство. Для мальчиков-инков существовали школы с четырехлетним сроком обучения. Здесь изучали религиозные догмы, календарь и узелковое письмо – кипу. У инков не было письменности. Ее заменяло это узелковое письмо.

Побежденные, т. е. подавляющая часть населения, продолжали жить общинами – айлью. В состав айлью входила деревня с прилегающими полями. Земельные владения общины назывались маркой (это название случайно совпадало с названием общины у франков). Возделываемая земля, «чакра», делилась на три части: поля Солнца (т. е. жрецов), поля верховного инки (т. е. государственные) и поля общинников.

Поля обрабатывались трудом общинников, причем в первую очередь – поля Солнца, во вторую – земля инки и лишь в третью – поля самой общины. Урожай с полей Солнца и инки составлял натуральный налог. Сообща обрабатывались и поля общины, но каждой семье выделялся участок, урожай с которого шел в распоряжение этой семьи. Полевые наделы выделялись

в соответствии с составом семьи. Но приусадебные участки – двор и огород – были наследственными.

Кроме натурального налога общинники должны были выполнять государственную трудовую повинность – строить каналы, дороги, храмы. Таким образом, социальный строй инков наиболее соответствовал «азиатскому способу производства», если исключить этнический принцип эксплуатации.

Земледелие и ремесло

Как уже сказано, земледелие здесь имело особый, горный характер. Поля располагались террасами на склонах гор. По краям террасы устраивался вал для сохранения влаги. От горных рек к полям – террасам отводились каналы, которые выкладывались каменными плитами. Поля обрабатывались мотыгами. В государстве инков возделывалось до 40 видов растений, главными из которых были маис, картофель и хлопчатник.

В крестьянских общинах земледелие сочеталось с ремеслом, которым занимались некоторые жители деревни. Свободных городских ремесленников не было. Лучших ремесленников государство переселяло в Куско, столицу, где они обслуживали двор верховного инки, жрецов и служилую знать. Здесь уже умели выплавлять бронзу, из которой готовили топоры, серпы, ножи, иглы, оружие.

Таким образом, государство инков – это господство одного племени над побежденными племенами, где социальное расслоение заменялось этническими факторами. Если проводить аналогию со Старым Светом, то ближе всего к этому государству стояла Ассирия, процветание которой тоже базировалось на эксплуатации покоренных. Только здесь, у инков, сохранялись основные элементы родоплеменных отношений.

Такое «преждевременное» образование государства стало возможным потому, что природные условия позволили достичь высокого уровня производительных сил до образования государства. Ирригация, выплавка металлов, строительство каменных сооружений – рождение государства почти ничего не добавило к достигнутому уровню развития производительных сил. Был создан лишь аппарат принуждения, который позволил эксплуатировать побежденных.

4.4. Тольтеки и ацтеки

Обычное представление, что ацтеки создали одно из трех государств доколумбовой Месоамерики, не вполне соответствует действительности. Это представление в значительной степени навеяно драматическими событиями захвата Теночтитлана солдатами Кортеса и гибелью вождя ацтеков Монтесумы.

Как утверждает Дж. Вайян, крупнейший археолог и историк ацтекской цивилизации, теночки, основатели Теночтитлана и ацтекской цивилизации, «не были творцами ацтекской культуры – они лишь разработали культ жертвоприношений» [1, с. 84]. «Ацтеки не создали своих художественных форм», – пишет он в другом месте [1, с. 126]. Все основные достижения их культуры были заимствованы у предшественников, в основном у тольтеков. И даже боги ацтеков Кецалькоатл, Уицилопочтли, Тлалок – были богами тольтеков.

Крупнейший российский специалист по истории древних цивилизаций В. В. Струве писал, что ацтекское общество XV в. было обществом, «не знавшим еще государства, находившемся еще в рамках родового строя» [1, с. 11].

Все это заставляет начинать экономическую историю ацтеков с рассмотрения хозяйства их предшественников – тольтеков.

Теотиуакан и тольтеки

Долина Мехико, где возникла культура тольтеков, обеспечивала идеальные условия для жизни людей. Она была защищена горными цепями высотой до 2 тыс. м. Горные потоки и река Аколман орошали землю и обеспечивали ее плодородие своими наносами. Центр долины занимало озеро Тескоко, заросшие камышами берега которого изобиловали дичью. Вулканические породы гор служили прекрасным материалом для изготовления орудий и строительства, что имело первостепенное значение в условиях каменного века. Вулканическое стекло, обсидиан, можно было расколоть на пластины с острыми краями, из застывшей лавы изготавливались песты и жернова для размола кукурузы, а туф был превосходным строительным материалом.

С древних времен, еще до наступления нашей эры, по берегам озера селились люди. О длительном существовании таких селений свидетельствует слой отбросов толщиной в 4,5–7,5 м.

В V в. н. э. господствующее положение в долине заняли тольтеки. По утверждению Вайяна, их город Теотиуакан существовал с 400 по 1000 г. Территория 5 x 3 км была застроена зданиями из каменных плит, скрепленных известковым цементом. Вся площадь города была вымощена также каменными плитами.

Среди зданий выделялись пирамиды – храмы, главными из которых были пирамида Солнца и пирамида Луны, причем высота пирамиды Солнца превышала 60 м, т. е. соответствовала высоте египетских пирамид. Были в городе и жилые строения с внутренними дворами.

В окрестностях Теотиуакана археологи раскопали жилые дома из 50–60 комнат, расположенных вокруг дворов. Очевидно, каждый такой дом был жилищем родовой общины, состоявшей из десятков семей.

В пантеоне богов тольтеков выделялась фигура Кецалькоатла, основателя культуры и одновременно – планеты Венеры. Он был не только богом. Согласно преданиям это был великий вождь, который принес культурные достижения тольтекам, но потом удалился на восток, обещая потом вернуться из-за океана.

Изображался он не только в виде пернатого змея, но и в виде бородатого человека с европейскими чертами лица. Среди западных историков существует даже гипотеза, что это был викинг (как известно, викинги побывали в Америке задолго до Колумба). Поэтому вождь

ацтеков Монтесума увидел в Кортесе вернувшегося из-за моря Кецалькоатла. Таким образом, Кецалькоатл существовал в двух ипостасях – бога, пернатого змея, и человека, который научил тольтеков достижениям их культуры.

Можно ли считать, что у тольтеков уже было государство? Несомненно, жрецы и правители существовали за счет рядовых общинников. Строительство городов, пирамид-храмов было невозможно без трудовой повинности в пользу верховной власти. Благоприятные природные условия обеспечивали достаточный прибавочный продукт для содержания правящей верхушки. Это был переход от родового строя к государству: низы продолжали жить родовым строем, но уже выделилась жреческо-правящая верхушка.

Отсутствие письменности не позволяет подробнее восстановить социальный строй тольтеков, а записанные испанцами предания касаются в основном ацтекского периода. Поэтому практически единственным источником по истории тольтеков служат археологические раскопки.

Но именно археология дает нам подробные сведения о материальной культуре тольтеков. Здесь, как и у майя, было два уровня такой культуры. С одной стороны, города, пирамиды с храмами, которые были такими же, как в городах майя, высокий уровень изобразительного искусства. С другой стороны – техника каменного века, первобытная техника земледелия и ремесла.

Сведений о сколько-нибудь значительных ирригационных сооружениях нет. Очевидно, их и не было. Возделывались те же культуры, что и у других племен Месоамерики: кукуруза, бобовые, хлопок. Тольтеки носили одежду из хлопчатобумажных тканей. У них не было ни пахотных орудий, ни тяглового скота, как и домашних животных вообще.

Основным материалом для изготовления каменных орудий служил обсидиан. Из него делались ножи, наконечники копий, вкладыши палиц, которыми были вооружены воины.

Объединение тольтеков просуществовало пять столетий. В X в. города тольтеков Теотиакан и Толлан были разрушены пришельцами. В долине Мехико начался период хаоса, когда пришлые племена сменяли друг друга. Господствующее положение среди этих племен заняли чичимеки, которые успешно перенимали культуру тольтеков, и Дж. Вайян даже называет главный город чичимеков Кулуакан городом-государством [1, с. 66].

Теснимые пришельцами, тольтеки стали переселяться на восток, на Юкатан, и там теперь рождались новые города, которые представляли смесь двух культур – майя и тольтеков.

Возвышение ацтеков. Теночтитлан

А в долине Мехико на первый план стало выдвигаться племя теночков, которое породило государство ацтеков. (Мы все же будем условно называть объединение ацтеков государством.) Если господство тольтеков в этой долине продолжалось пять веков, то ацтеки господствовали только одно столетие.

До XIV в. теночки были первобытным племенем, теснимым другими племенами. В начале XIV в. они потерпели особенно сокрушительное поражение, когда вождь и значительная часть племени были захвачены в плен. Остатки племени нашли убежище на острове шириной 12 км в болотистой части озера Тескоко. Здесь они основали два поселения – Теночтитлан и Тлалтелолко, но продолжали платить дань победителям.

Поскольку на суше места для земледелия были заняты другими, теночки были вынуждены отвоевывать землю у озера, строя чинампы – плавучие острова. Ил с болотистых берегов собирали на плоты из связок камыша, сажали растения, в том числе кусты и деревья, которые своими корнями укрепляли такой островок. Чинампы и стали основой земледелия ацтеков. Разрастаясь, они постепенно сливались в единое целое, где земельные участки пересекались сетью каналов.

Теночтитлан и Тлалтелолко, впоследствии слившиеся в Мехико, первоначально были самостоятельными. Лишь к середине XIV в. был организован союз, который возглавили теночки, началось покорение других племен долины Мехико и расцвет культуры ацтеков.

Как и в других государствах Месоамерики, витриной этого расцвета стал главный город ацтеков – Теночтитлан. Ко времени прихода испанцев он насчитывал от 60 до 100 тыс. жителей, и, по словам Г. Паркса, с ним «едва ли могли равняться столицы Европы» [9, с. 38].

Центральную часть города занимали пирамиды-храмы (точнее – пирамиды, на которых стояли храмы). Среди них выделялась пирамида бога войны – Уицилопочтли.

Город напоминал Венецию – роль улиц играли каналы с пешеходными дорожками по краям. Ведь город разрастался, захватывая чинампы, и его основная часть теперь находилась уже над озером. С берегом Теночтитлан соединяли три дамбы. Жилые дома города стояли на возвышенных каменных площадках. Вокруг внутренних двориков располагались жилые помещения с каменными стенами без окон. Крыша представляла настил из жердей, покрытых слоем известковой штукатурки. Дж. Вайян говорит о возведенных из сырца и камня, «похожих на крепость общинных домах» [1, с. 10].

4.5. Социальный строй ацтеков

Основу социальных отношений составлял родовой строй, причем не только в деревне, но и в городе. В отличие от городов майя, население которых составляли только жрецы и правящая знать, население Теночтитлана состояло в основном из земледельцев, которые работали в чинампах. Жилые кварталы города делились на четыре части, которые Дж. Вайян называет фратриями. Во главе каждой фратрии стоял вождь, а все четыре вождя вместе составляли совет верховного правителя.

Совет фратрии делил землю между родами, а старейшины родов – между семьями. В результате регулярных переделов земли человек, обрабатывающий свой участок, «являлся собственником только одного урожая» [1, с. 12]. Отдельно выделялись участки для содержания жрецов и вождей, которые обрабатывались коллективно.

Кроме того, на землях побежденных племен воины-ацтеки получали участки, обрабатываемые местным населением.

Покоренные племена не только платили дань ацтекам, но и выполняли разного рода повинности. По словам испанского хрониста, эти побежденные жаловались испанцам, что ацтеки «то и дело сгоняли их на барщину, на подвоз и переноску камней, леса, на обработку городских полей, а жен и детей уводили насильно, не говоря уже об обычной охоте на людей для жертвоприношений» [1, с. 15]. Таким образом, процветание ацтеков базировалось на эксплуатации побежденных племен. Неудивительно, что эти племена помогали Кортесу против ацтеков.

У ацтеков не было светской знати. Родовые старейшины и вожди племен были выборными. Выборным был и верховный вождь – жрец, которого испанцы называли императором. Поэтому мы не можем говорить об эксплуатации господствующей верхушкой рядовых членов племени.

Земледелие, ремесло, торговля

Как утверждает В. В. Струве, у ацтеков «не было **подлинного** полеводства» [1, с. 10]. Главной формой земледелия были чинампы, обладающие неиссякаемым плодородием. Ацтеки выращивали маис, бобы, тыкву, табак, помидоры, хлопчатник.

Основой питания служили тортильи – лепешки до 30 см в диаметре. Это дополнялось овощами, а при перелетах птиц – гусями и утками. Домашних животных не было, кроме индюков и собак, причем иногда собаки тоже шли в пищу. Табак курили в полых стеблях тростника. Из агавы изготавливали пульке.

Одежда готовилась из хлопчатобумажной ткани. Мужчины носили набедренную повязку, плащ, застегнутый на одном плече, сандалии из кожи или грубого волокна агавы. Одежда женщины состояла из полосы тонкой ткани на бедрах и туники без рукавов. Поскольку не было домашних животных, то не было и шерстяных тканей. Конечно, жрецы и должностные лица носили украшенную одежду. Особенно ценились плащи из перьев.

Основным материалом для изготовления орудий и оружия служил обсидиан. Из него делали ножи и другие режущие орудия, наконечники стрел и дротиков, а путем полировки – даже зеркала, применявшиеся для ритуальных целей. Уже добывалась медь в виде конкреций и обрабатывалась холодной ковкой. Из нее готовились мелкие вещи, например, иглы и предметы украшений. Орудия из меди не годились для обработки даже мягких пород дерева. Таким образом, ацтеки еще не вышли из каменного века.

Ремесло уже отделялось от земледелия. Гончары, ювелиры, специалисты по обработке камня выделялись в самостоятельную профессию. Еще в большей степени это относилось к

специалистам по изготовлению культовых сооружений: скульпторам, каменщикам, художникам.

Но сведений об организации ремесла мы не имеем. Не было чего-то, подобного ремесленным цехам. Лишь мастера по строительству и обслуживанию храмов-пирамид и других культовых сооружений составляли самостоятельную группу специалистов, связанную со жречеством.

Товарообмен получил значительное развитие уже во времена тольтеков. В одном селении особенно успешно выращивали перец, около другого находилось месторождение особенно высококачественного обсидиана. Естественно, селения обменивались этими продуктами. А позже выделилась группа торговцев – почтеков, для которых торговля была профессией и которые ездили не только по долине Мехико, но и за ее пределами. Они везли из долины обсидиан, орудия из него, ткани, выменивая это на раковины, перья тропических птиц, нефрит, какао.

Это был в основном натуральный обмен, но в качестве денежного эквивалента уже употреблялись бобы какао, а иногда – стержни перьев, заполненные золотым песком и медные ножи в форме серпа. Впрочем, золото не считалось особенно ценным, и когда испанцы требовали у ацтеков ценности, те несли им нефрит и бирюзу – самые ценные минералы.

Военное дело. Жестокость

Важным показателем государственности является профессиональная армия, содержание которой является одной из главных функций государства. Такой армии у ацтеков не было. Каждый взрослый мужчина считался воином, а глава рода и вождь племени были одновременно военачальниками соответствующих подразделений. Это свидетельствовало о сохранении общинно-родового строя, поэтому говорить о государстве ацтеков можно только условно.

Правда, в каждом из четырех частей Теночтитлана имелся «дом дротиков», где хранилось вооружение. Воины были вооружены копьями, дротиками с деревянными метательными дощечками, дубинами с вкладышами из обсидиана.

Ацтеки не знали боевого строя. В сражениях толпа действовала против толпы, стараясь обратить ее в бегство.

Безусловно, война велась для того, чтобы обложить побежденных данью и всякого рода повинностями. Но официальной целью войны был захват пленных, но не для превращения их в рабов, а для принесения в жертву богам.

Религия ацтеков отличалась особой жестокостью. Боги требовали кровавых человеческих жертв, причем в жертву приносились вырванные сердца. Обсидиановыми ножами распарывался живот жертвы и рукой вырывалось сердце, которое и приносилось на алтарь.

Предания говорят о 20 тыс. пленных, которые были построены в два ряда, и вожди победителей в порядке старшинства вырывали у них сердца, чтобы насытить голод бога войны – Уицилопочтли. Это произошло в 1487 г. и знаменовало вершину могущества ацтеков.

Более того, когда наступал мирный период и не было достаточно пленных для жертвоприношений, устраивались «войны цветов» – сражения между союзными племенами ради захвата пленных. Принесение в жертву для воина считалось почетной смертью: на том свете он занимал привилегированное положение, предназначенное для воинов.

Эти беспримерные гекатомбы, конечно, объяснялись потребностями культа. Но богов создали люди. Очевидно, такое устрашение потребовалось, чтобы жители Теночтитлана могли держать в подчинении все племена долины Мехико.

* * *

Итак, главные особенности цивилизации ацтеков – это чинампы, эксплуатация побежденных племен и массовые кровавые жертвоприношения.

Сам Теночтитлан оставался городом на озере, и его земельные владения составляли чинампы – земли, отвоеванные у воды. Озеро же обеспечивало неприступность Теночтитлана: штурмовать город можно было только через дамбы. Но по мере разрастания города обеспечивать его снабжение за счет только чинампов становилось все труднее, и другие племена становились данниками ацтеков.

А основой социальных отношений оставался родоплеменной строй с выборными старейшинами и вождями. Лишь господствующую верхушку составляли жрецы, служители свирепых богов. Глава ацтеков был одновременно главным жрецом и вождем. В его лице божественная и гражданская власть сливались.

А в основе этого строя лежала техника каменного века: каменные орудия, отсутствие колеса и пахотных орудий. Лишь уникальная агротехника чинампов обеспечивала высокий уровень земледелия.

Таким образом, три центра рождения цивилизации возникли в разных природных условиях: в болотистой сельве, в горах и в защищенной горами долине. Это в значительной степени и определило их различия, особенно различия в технике земледелия.

Во всех трех случаях сохранялись родоплеменные отношения, которые лежали в основе землепользования, а в двух случаях даже господствующее племя существовало за счет эксплуатации побежденных племен. Не было государственной армии, но поскольку существовал аппарат принуждения, аппарат эксплуатации основной массы населения в пользу верховной власти, мы все же можем говорить о рождении государственности, о переходе от родоплеменного строя к государству.

Это не были рабовладельческие государства. Труд рабов имел настолько второстепенное значение, что тысячи пленных приносились в жертву богам вместо обращения в рабство. Господствующая верхушка общества существовала за счет эксплуатации общинников-земледельцев, что соответствовало «азиатскому способу производства» в Старом Свете.

Из трех рождавшихся государственных образований государство инков значительно отличалось от остальных двух. Если материальная культура майя и ацтеков оставалась на уровне каменного века, то инки уже плавил бронзу, т. е. вступили в бронзовый век. Если у майя и ацтеков не было домашних животных, то у инков были выючные животные – ламы. В отличие от майя и ацтеков у инков уже существовала ирригация. Правда, дренажные системы майя и чинампы ацтеков были тоже сложными и трудоемкими, но они были характерны именно для Нового Света, составляя его особенности. Таким образом, по характеру развития материальной культуры инки были ближе Старому Свету. К тому же все эти достижения родились здесь до образования государства, при полном господстве родоплеменного строя.

Но наиболее важное отличие государства инков заключалось в другом. У майя и ацтеков все силы народа тратились на сооружение грандиозных пирамид-храмов и городов-святилищ, а правящую верхушку общества составляли жрецы. У инков же не было таких грандиозных сооружений, которые вызвали восхищение и служили для европейцев главным признаком цивилизации Нового Света. Верховный инка был преимущественно военным вождем и правителем.

Очевидно, эти особенности определялись тем, что основные достижения материальной культуры возникли до образования государственной власти. Эксплуатация людей, которые уже строили ирригационные сооружения, могла быть лишь сравнительно ограниченной.

Литература

1. Вайян Д. История ацтеков. М., 1949.
2. Всемирная история. Т. IV. М., 1958.
3. Галленкамп Ч. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
4. Гуляев В. Древние майя. М., 1983.
5. Гуляев В. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.
6. Гуляев В. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.
7. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
8. Кузьмищев В. Тайна жрецов майя. М., 1968.
9. Парке С. История Мексики. М., 1949.
10. Стингл М. Тайны индейских пирамид. М., 1978.

5. Колониальное хозяйство стран Латинской Америки

5.1. Репартимьендо и энкомьендо

Главным колонизатором стран Латинской Америки стала Испания. Земля завоеванных стран была объявлена собственностью короля Испании. Король жаловал в феодальную собственность конкистадорам и высшим чиновникам огромные территории. Кортес получил от короля 40 тыс. кв. км, столь же огромные владения получили и его сподвижники. Крупные участки земли, пеонии и кабальерии, получали даже солдаты. Пеония составляла 40 га, а кабальерия – пять пеоний, т. е. 200 га. Пехотинцу полагалось 5 пеоний, кавалеристу – до 3 кабальерий.

Естественно, в зависимость попадали и индейцы, жившие на этих землях. Кортесу было передано 115 тыс. индейцев, его сподвижнику Харамильо -130 индейцев с землей. Эта раздача земли с индейцами получила название репартимьендо.

Основная часть земли в этих владениях никак не использовалась, и лишь небольшую долю занимали плантации сахарного тростника, кофе и других культур.

Считается, что до середины XVI в. в эксплуатации зависимых индейцев преобладали рабовладельческие отношения, которые затем сменились феодально-крепостническими.

Но даже и для рабовладельческих отношений обращение испанцев с местным населением отличалось необычной жестокостью, многочисленные примеры которой приводит в своем сочинении доминиканец Лас Касас. Индейцев даже просто для развлечения травили собаками и расстреливали. Особенно высокая смертность индейцев была на золотых и серебряных рудниках, вокруг которых, по свидетельству современников, даже воздух был заражен от сотен разлагавшихся трупов.

В результате, по свидетельству Лас Касаса, к середине XVI в. было уничтожено 15 млн индейцев, т. е. около трети первоначальной их численности. На острове Ямайка за первую половину XVI в. было истреблено все местное население, а в Перу и Чили оно сократилось с 1,5 млн до 300 тыс. человек. В Вест-Индии, Аргентине, Уругвае, где индейцы оставались на уровне первобытнообщинного строя, они были уничтожены почти полностью, потому что оказалось невозможным их эксплуатировать: они не смогли адаптироваться к новым порядкам.

Особенно лицемерным был такой способ эксплуатации индейцев, как энкомьендо. Формально энкомьендо считалось передачей индейцев на «попечение» испанцам, которые должны были заботиться о переданных им индейцах и прививать им христианские добродетели. За это «попечение» переданные в энкомьендо индейцы должны были работать на своего «попечителя». Практически это означало передачу их в рабство.

Лишь в начале XVI в. издаются законы, регламентирующие систему энкомьендо. Согласно этим законам индейцы должны были работать на «попечителя» 9 месяцев в году, а за это хозяин должен был их кормить и давать им одежду, причем к одному владельцу могло быть прикреплено не более 150 индейцев. Но эти законы не соблюдались. По свидетельству Лас Касаса, из 300 индейцев, переданных одному королевскому чиновнику уже после принятия этих законов, 270 за первые три месяца погибли от непосильного труда.

Индейцы, не попавшие в сферы энкомьендо и репартимьендо, должны были выполнять государственную трудовую повинность – мита, в основном на строительных работах, государственных рудниках и предприятиях. Мексиканские касики, вожди племен, жаловались королю, что каждая индейская деревня должна еженедельно поставлять 200–400 человек для этих работ. В мастерских заставляли работать даже 6-8-летних детей.

5.2. Ввоз рабов из Африки

Одним из следствий истребления индейцев стал массовый привоз рабов – негров из Африки. Как уже сказано, доставкой негров в Латинскую Америку занимались в основном английские купцы, получая от работорговли огромные прибыли. Согласно Утрехтскому соглашению 1713 г. Англия получила монопольное право доставлять в испанские колонии Америки ежегодно 4800 негров.

Причиной ввоза рабов-негров был не только дефицит рабочей силы. Дело в том, что у индейцев до прихода испанцев не было рабства, они не привыкли к принудительному труду и, попав в непривычные условия, быстро умирали. В Гвинее же, откуда поступала основная часть негров, уже существовало рабство. Гвинейские негры уже привыкли выполнять тяжелую принудительную работу и в новых условиях оказывались более выносливыми. К тому же, не зная местного языка и обычаев, им было сложнее бежать или устанавливать контакты с местными жителями.

В 1823 г. из 16,9 млн жителей Испанской Америки негры составляли 776 тыс., т. е. 4 %, но 32 % населения (5328 тыс.) составляли люди смешанной крови, т. е. метисы и мулаты [4, с. 31]. Особенно много негров было в Бразилии – 1,96 млн из 3,14 млн всего населения. Это было следствием особенностей экономического развития Бразилии, о которых мы будем говорить ниже.

Африканские негры принесли сюда культурные традиции, что наложило отпечаток на музыку и танцы народов Латинской Америки.

5.3. «Новые законы» и переход к феодальным формам

Итак, первым следствием геноцида индейцев стал ввоз рабов-негров из Африки. Вторым следствием – попытки ограничить эксплуатацию индейцев со стороны государства, которые в итоге и привели к переходу от рабства к феодально- крепостническим формам эксплуатации.

Государству было невыгодно сокращение числа налогоплательщиков. Мита тоже позволяла только живых индейцев рекрутировать для государственных работ. Кроме того, сокращение численности индейцев подрывало основу благосостояния колоний. Католической церкви тоже было невыгодно сокращение паствы.

В 1537 г. в своей булле папа Павел III признал индейцев «настоящими людьми» и запретил к ним относиться как к «бездушным тварям». В 1542 г. король Карл V ввел «новые законы», по которым индейцы признавались свободными вассалами короны, было запрещено обращать их в рабство; запрещалась раздача новых энкомьенд, а уже действующие должны были прекращаться после смерти владельца.

Энкомьендеры выступили против «новых законов». Когда вице-король в Перу попытался проводить их в жизнь, они разгромили его войско, а сам он был убит. В 1545 г. запрет раздачи новых энкомьенд был отменен.

И все же в результате этих действий государства и церкви, а также в результате естественных экономических процессов производственные отношения стали меняться. Рабство сменилось феодально-крепостническими порядками. Энкомьендеры превращались в землевладельцев феодального типа. Если раздача энкомьенд не означала наделение энкомьендеров землей, в отличие от репартимьендо, то теперь обе эти формы практически слились. Жившие во владениях сеньора индейцы должны были платить оброк и работать на энкомьендера за плату (фактически номинальную).

В начале XVIII в. институт энкомьендо утратил прежнее значение и был упразднен. Энкомьендеро превращались во владельцев асьенд, поместий феодального типа. «В пределах своей асьенды, – писал современник, – владелец осуществляет абсолютное господство как феодальный сеньор. Он приказывает, кричит, наказывает и даже убивает, насилует женщин» [3, с. 37].

Но в XVIII и XIX вв. и эти феодальные отношения переросли в пеонаж – экономическое закабаление индейцев. Теперь уже подавляющая часть земли переходила в ведение владельцев латифундий, а, например, в Мексике свыше 90 % населения своей земли не имело. Индейцы не разбирались в законах о собственности на землю и, пользуясь юридическими уловками, сеньоры захватывали общинные владения. Безземельные были вынуждены арендовать землю или наниматься на работу. В условиях, когда все хозяйство оказалось под контролем владельцев асьенд, и арендатор, и наемный рабочий становились неоплатными должниками – пеонами. Нищенская зарплата пеона не позволяла вернуть долг. В то же время огромная часть земли в латифундиях оставалась неиспользованной.

Таким образом, в американских колониях Испании рабство в форме энкомьенды сначала перерастало в феодально-крепостнические отношения, а затем сменилось пеонажем – кабальной формой эксплуатации, которую принято называть кабальным рабством, хотя эта форма уже базировалась на товарно-денежных отношениях.

Но даже в этих условиях у индейцев сохранились остатки общинных порядков. Оставались вожди племен – касики, которые занимали привилегированное положение, включались в состав местной администрации. Сохранялось общинное землевладение, площадь которого сокращалась.

Индейцы, как и прежде, выращивали кукурузу, используя подсечную систему земледелия. Испанцы принесли сюда возделывание пшеницы и овса, но пшеничный хлеб был досто-

янием только верхушки общества. Появились новые культуры: теперь во владениях испанцев выращивали оливки, бананы, кофе, персики, яблоки, виноград. Доколумбова Америка не знала этих растений. Не было здесь прежде и домашнего скота. Теперь скот стал размножаться, причем, как правило, на вольном выпасе, без присмотра.

5.4. Особенности экономического развития Бразилии

Существенные особенности развития колониального хозяйства были в Бразилии, португальской колонии. Как уже говорилось, колонизация Португалии в странах Востока отличалась тем, что Португалия не захватывала территории, устраивая лишь опорные пункты по берегам океана, торговые фактории. И здесь, в Америке, первоначально Португалии принадлежала лишь цепочка поселений – факторий на Атлантическом побережье. Основным предметом вывоза была ценная древесина паубразил (отсюда и название колонии).

В португальских колониях не было энкомьенды. Вместо этого прибрежная территория была разделена на 15 «капитаний» – наследственных феодальных владений, хозяева которых назывались донаториями.

Со временем здесь стали создаваться энженьо – сахарные заводы, окруженные плантациями сахарного тростника. На первое место в экспорте теперь вышел сахар. Среднее энженьо с 50 работниками за год производило 75–90 т сахара. В середине XVII в. на 200 энженьо было занято 33 тысячи рабов.

Индейцы, которых заставляли работать на энженьо по 14–15 часов в сутки и кормили лишь маниоккой, не выдерживали такого режима и быстро умирали. Поэтому негров-рабов сюда ввозилось больше, чем в другие страны Латинской Америки. С 1600 по 1750 г. в Бразилию было доставлено 3,3 млн негров, а к началу XIX в. негры составляли свыше 60 % населения Бразилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.